

Муниципальное учреждение
Централизованная библиотечная система им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

К 30-летию КЛФ «Контакт»

Наталья Колесова

МОЙ ГОРОД

Новокузнецк
2008

Колесова Н. Мой город: рассказ. – Новокузнецк,
2008. – 56 с.

Ответственный за выпуск – Калашников Н.Н.

КОЛЕСОВА Наталья Валенидовна родилась 6 октября 1964 г. в г. Новокузнецке. Закончила филологический факультет Кемеровского университета в 1989 г. Работала корреспондентом районной газеты "Красное знамя" Промышленновского района, инженером в "Запсибремонт", сейчас – инженер на Западно-Сибирском металлургическом комбинате. В КЛФ "Контакт" пришла в 1991 г. Активный участник ролевого движения. Первая публикация – повесть "Голубая пантера" – в газете "Новокузнецк без политики" в июле-сентябре 1996 г. Эта же повесть опубликована в журнале "Порог" (Кировоград, Украина) в 1997 г. Другие её повести публиковались в журналах «Реальность фантастики», «Мир фантастики», «Порог». Отрывки из повестей печатались в местных газетах. Роман «Прогулки по крышам» был отмечен на мастер-классе у Ника Перумова и рекомендован им к печати. В конце 2007 года в московском издательстве АСТ вышел роман Натальи Колесовой «Карты судьбы».

Повесть «Мой город» печатается впервые.

«Я видел сон...
Не все в нем было сном».
Байрон

День первый

Сегодня мне опять приснился мой сон. Ненормальность первая. Нет, первая была не эта. Первая – я родилась, хотя никто меня вовсе не желал. Ни мать, ни Яснев-старший, ни, тем более, Яснев-младший.

Потом была ненормальность вторая. Имечко. Диана. Ничего себе, да? При моей-то физиомордии!

Теперь случилась ненормальность третья. Я опять летала.

На улице тепло, темно, сыро. В лужах отражается тускло-дрожащий свет фонарей. Я иду босиком по теплomu мокрому асфальту и гляжу в небо. Небо слепое, только над головой горит голубая звезда. Потом я бегу. Легкая, как пух, я перепрыгиваю через громадные лужи, задерживаюсь в густом воздухе все дольше, а потом вдруг понимаю, что не бегу, а уже лечу, и это очень просто – раскинь руки, подставь лицо теплomu мягкому ветру...

А потом вдруг сорвалась в черную пропасть, закричала и – проснулась. Сердце колотится, по стенам полосы света бегают, где-то что-то громыкает, в стекла ветер долбится – жуть, да и только! И за рекой что-то горит. Ровно так. Эффектно. Голубоватым пламенем. И не поймешь – то ли пожар на комбинате, то ли так оно и надо...

Ну вот. А утром слышу – бабки на скамейках распускают великолепнейшие, зловещейшие слухи: авария, гряд, на комбинате астрашенная, столько-то сотен сразу концы отдали, столько-то в больнице последние минутки доживают... Целая партия из нашего дома спозаранку манатки сматывает – подальше от греха. Химия, как-никак... И никого не пускают на тот берег. Последнее я быстренько проверила – смоталась до моста. И вправду солдаты стоят, морды серьезные. Интере-есно!

Быкову брякнула: че, мол, старый, думаешь? А он в трубку подышал и посоветовал лучше готовиться к семинарам. Прямо почти по идиотской школьной присказке из идиотских школьных песенников: всякая там любовь-кровь, “секрет для мальчиков”, “секрет для девочек”, картиночки-стишочки, гадалки и всякая такая мутота. Но это уже потом понимаешь – мутота. А тогда это неизбежно и неистребимо – своего рода эпидемия.

Так вот, есть там такое пожелание:

“Реки Волга и Дунай
первые в Европе.
Ты меня не забывай
И учи уроки”

Вот на таком уровне Быков со мной иногда общается. Маразматик несчастнейший...

Плюнула я в трубку и пошла на набережную. Народу – куча. Стоят, галдят, кто с биноклем, кто просто так на тот берег пялится. А че смотреть – стоят себе корпуса. Целехоньки.

Тут я с пацаном и стреканулась. С Димкой. Он в городе ночевал, а на той стороне у него мать и брат. Домой тыщу раз звонил – молчат. Не психуй, говорю, может, скоро пускать начнут, а он головой мотает – уши лопухами – ему один сказал, что не авария там вовсе, а вообще черте че творится и неизвестно, когда это черте че кончится... Посоветовала я ему почаще лапшу с ушей стряхивать, а сама вся аж зачесалась – что ж там все-таки такое?

Послонились по улицам, я его к себе зазвала – жрать. Маман у меня выдрессирована. Рта лишний раз не откроет. А откроет – пусть пеняет на себя.

В холодильнике, как всегда, мышь повесилась. Я по магазинам не хожу, а мать воздухом питается. Нашла в звящем посудой серванте лежалую банку сгущи, вспорола ей помятое брюхо, и стали мы с Димкой чай гонять. Тот на мать косится. А что – мать? Читает. Нашла себе защиту от жизни. С отцом жила – тоже все читала. Вместо успокоительных. Теперь от меня лечится. Ну читала бы себе сама, на кой черт меня-то приучила! Наглotalась я книг, как отравы, попробуй, разберись теперь, где тот роман, а где жизнь.

Отец нам после размена “хрущобу” оставил – руку от одной стены протянешь, в другую воткнешься. Ладно, матери все по фене, да и мне, в принципе, тоже. Надо будет – втисну между тахтой и столом раскладушку – спи, Дмитрий, не хочу!

– Мать, – говорю, – ты хоть знаешь, что в городе-то творится?

Та очки сняла, глаза, как у побитой собаки – так бы и убила! Живут же на свете такие размазни! Блекло-розовая, с голубыми прожилками... Отец и женился на ней из-за этой ее... розовости.

Пошли мы слухи собирать. Мотали на ус в кабаках, на Университетской в толпе поболтались, сняли сливки с гипотез бабок на скамейках, охотно слушали тинейджеров. Неполный список словленного:

1.Ночью кто-то где-то набросал листовок. Никто их не читал, но

по сарафанному радио вариантов хоть отбавляй. Мы и отбавляем.

2. Расследовать аварию прибыли фээсбэшники то ли из области, то ли из самой Москвы.

3. Не авария то вовсе, а знамение господне.

4. На той стороне агромадные митинги – то ли очередной ущемленной нации, то ли оголодавших бюджетников.

5. Соли не будет, и в магазинах выстроились длиннющие очереди за ней, а заодно и за всеми остальными продуктами.

6. Опять кто-то где-то объявил то ли забастовку, то ли голодовку.

И тэ дэ. И тэ пэ. “Я считаю, – орал лысый и толстый, насакаживая на прохожих, – что политика наших властей неверна и политически вредна! Пусть объяснят, что случилось, и мы будем вместе бороться с опасностью!” “Гражданин, да успокойтесь вы! Ну, авария на закрытом предприятии, разберутся без нас с вами...” “Нет, но я все-таки считаю...”

“Официалка” появилась к вечеру. Как всегда, доводит до бешенства. Вследствие короткого замыкания произошла аварийная остановка основных производственных линий. Выбросы в атмосферу и реку не зарегистрированы, но в качестве меры безопасности производится эвакуация прилежащих к комбинату районов. Распространение панических слухов и мародерство будут решительно пресекаться. Следите за сообщениями по радио и местному телевидению.

В общем и целом – будьте спокойны и оптимистичны, не поддавайтесь панике, надейтесь на нас...

А мы уж вас похороним.

Покумекали мы, как попасть на тот берег. Вплавь – не моржи, апрель месяц как-никак, на лодке – патрульные катера на реке дежурят. Под мостом – опять же не партизаны мы, не привычны.

С тем и спать легли.

День второй

Мозги работали и во сне. Потому что утром я соскочила и заорала:

– Подъем! Быстро! Придумала!

Кутаясь в простыню, Димка ошалело хлопал глазами. Я прыгала по комнате, бросая в сумку шмотки, фотик, сигареты, консервы...

И затормозила – Быков.

И мы завернули к нему.

Наверное, в бабе никогда не умрет ее прамама-обезьяна. Во мне,

во всяком случае, она проживает, и довольно-таки активно. По лестнице спускалась Лариса. Свежая, спокойная, прекрасная – и я опять пожалела Быкова. Перед красотой люди иногда удивительно беззащитны.

А потом представила, что это я – Лариса. Что это я иду легкой, изящной, надменной походкой. Что это за мной следят восторженными влажными глазами все мужики на свете. Но, запнувшись, едва не грохнулась и опять поскакала наверх через две ступеньки.

Дверь была открыта. Я прокралась по коридору к кухне. Быков в пиджаке, при галстуке, сидел за столом, сжав руками лохматую голову.

Ах, Быков-Быков! Вроде все при нем – вид, рост, тряпки, машина, деньги, девочки...

– Напустил дымовую завесу! – громко сказала я. Быков вздрогнул, но головы не поднял. Я стукнула его по твердому плечу:

– Можно войти?

– Занято, – глухо ответил он. Глянул быстро исподлобья – и я в обалдении пала на табурет. У Быкова были мокрые глаза.

– Ты чего... Быков?

Его лицо перекосило дрожащей улыбкой.

– Она совсем ушла.

Кто ушел и куда ушел – объяснять было не надо. Женского во мне всегда было мало. Утешать, во всяком случае, я не умею. Я вздохнула и сказала бодро:

– И правильно сделала. Давно пора. Я бы тебя бросила на третий день, а она три года терпела. Да ты ей за это должен в ножки поклониться!

Во был цирк! Быков взвился, будто его шилом в задницу кольнули – аж табуретку опрокинул – и сдавленным, знаете, таким страстно-яростным шепотом спросил:

– В ножки? За что? За это! – рявкнул он так, что уши заложило и эхо по квартире разнеслось. Лапы длинные раскинул, словно предлагая полюбоваться обстановкой. Ничего себе обстановочка, крутая...

— Или за это?! – теперь он гулко бухнул по своей широкой груди. Взлохмаченный, с глубоко запавшими глазами, он был сейчас страшен. И жалок. Какие же они все-таки бабы, эти мужики!

На столе среди окурков – Ларисина фотка. Любуется, болван сентиментальный! Слезки проливает! Я потрогала гладкую бумагу и,

крепко ухватив за края, рванула.

– Не надо!

Но я успела быстрее и швырнула ему в морду клочки Ларисы.

– Тряпка!

Что я там орала, не могла вспомнить уже и через пять минут. Вдохновение, знаете... Но разорялась по страшному. А Быков глядел на меня, не мигая, и белые клочки бумаги запутались в его темных волосах, словно клочья седины. Ох, думаю, щас как врежет! А он... взял мою руку и тронул горячими влажными губами. Я только глазами хлопала. А этот... черт повернулся и свалил от меня в ванную.

Подняв вверх руку, я разглядывала ее, как чужую. Рук мужчины мне сроду-роду не целовали.

Главное – всегда вовремя остановиться. Я мельком глянула в зеркало и опустила руку. Не успеешь оглянуться – и Быков станет значить в твоей жизни больше, чем ему положено. Слава Богу, везде есть зеркала...

Он явился с блестящей мокрой головой и уже без ужасного черного пиджака – в нем Быков смахивал на покойника. Потянулся длинным телом и свалился на диван. Задрал ноги на стену. Сказал, глядя в потолок:

– Как живешь, Динго?

– Тускло. А ты очень жить хочешь?

Быков дрыгнул коленом.

– Ты что, решила меня сегодня доконать?

– Да не...

– Вот и гуляй!

Я свистнула. Спрыгнула с подоконника. Поправила шнурки. И пошла – “гулять”.

– Стой, – негромко сказал Быков. И заорал: – Тебе говорят, идиотка!

Я затормозила. Приподнявшись на локте, он смотрел на меня с бешенством.

– Опять тебе что-то стукнуло? Ну?

– А ты что, не знаешь? Пошевели мозгами!

– Так. Зачем – тебе – это – нужно?

– Что?

– То! – свирепо сказал он.

– Затем, что другого ничего не нужно. Ну, ты как хочешь, конечно...

Быков вновь уставился в потолок.

– З-забавно... И как?

– Знаю. Я пошла.

– Сядь.

– А что?

– А то.

Медленно, с трудом сел. Роба измятая, красными пятнами. Тусклые глаза.

– Ну? – спросила я.

– Ага, – сказал Быков.

И зевнул.

Минут через двадцать после отъезда электрички по вагону быстро прошагал проводник, предупреждая уже охрипшим голосом:

– Граждане пассажиры! Здесь всякое случается. Убедительная просьба – всем лечь и прикрыть головы.

Ошеломленные таким предложением, люди пытались что-то выяснить, но он, отмахиваясь, уходил от нас, вещая свою “убедительную просьбу”. Пассажиры нерешительно переглядывались. Кое-кто поосторожнее или поопытней уже расстилал на полу газеты.

– Ложитесь-ложитесь, – сказали и нам, – сейчас будет дело.

– Димитрий! – быстро скомандовал Быков. – Под скамью! Динго, на пол!

Он вытянул длинные ноги, успел еще переругнуться с теми, кого они потревожили на той стороне, и вдруг резко, больно ткнул меня носом в пыльный пол электрички, да еще локтем сверху придавил. Не успела я возмутиться – раздался грохот выбитого стекла, кто-то вскрикнул и пошло-поехало гроыхать-звенеть-бухать по всему составу. Я с трудом раскрыла зажмуренные веки, попыталась поднять голову. Но Быков, ругнувшись мне в ухо, надавил сильнее, чуть не свернув шею, и я осталась лежать так – прижавшись щекой к грязному полу и вздрагивая при каждом новом грохоте...

Выползли из поезда на полусогнутых.

– Что это было-то? – спросила я, обирая из волос стекла.

– А ... его знает! – разъяснил Быков. Он при мне в выражениях не стесняется. При мне никто не стесняется в выражениях.

Поднялись мы на Соколуху. Видок – во! Кругом могилки-могилки-могилки-кресты-звезды-obelisks, а посередине – она.

Развалюха. Старая крепость. Сколько себя помню, с города регулярно взимали поборы – на ее восстановление. И где теперь те капиталы...

Всю жизнь пацаны искали в крепости потайной ход – через реку на тот берег, как гласит старинная легенда. Найти не нашли, но одного засыпало. И все ходы зацементировали. Кроме моего...

Камень пошел удивительно легко – точно его недавно двигали. Быков сунулся в потайной лаз, шумно потянул носом:

– М-да, преисподняя... Ну веди, Вергильша...

Я и вывела. И ничего мы на той стороне не увидели. Вернее, никого. Шли по совершенно пустому городу, шаги отпечатывались в тишине улиц, отдавались внутри домов с кое-где выбитыми стеклами, повторялись угрожающе где-то впереди.

– Ну ни-ко-го! – потрясенно говорил Димка, вертя головой. Быков задумчиво поглаживал ствол автомата, который неизвестно почему достал из своей сумищи, заведев пустую улицу. Оружием в городе никого уже не удивишь – без него у нас даже в магазин не сходишь, не говоря уж о другом районе. Димка глядел, пускал слюни, но просить опробовать пока не решался. Быков, похоже, произвел на него неизгладимое впечатление. Этаким двухметровый супермен, нэ подходы, а то зарэжу!

Быков шел все медленнее. Остановился. Из-под бровей мрачно смотрел на шевелившиеся тополями проулки.

– Не нравится мне все это, – изрек, – этак мы весь город пройдем.

– А что делать?

Он очень внимательно осмотрел нас. По очереди.

– Люди, – сказал тихо, – вернемся?

Мы шумно возмутились. Быков вздохнул.

– Ну, двинулись дальше, друзья-мушкетеры!

И мы двинулись. И услышали рев приближавшейся машины – квартала за три до нас. И неизвестно чего шуганувшись, друженько нырнули за угол.

...Ее вынесло и развернуло прямо напротив нас – громадный военный грузовик. За визгом тормозов я ничего не услышала. Зато услышал Быков и рванул под прикрытия остановившейся с работающим мотором машины. Присел, вскинул автомат... Куда он стрелял? Не знаю. По-моему, он и сам не знал. Я видела сбоку его побелевшую щеку, напряженные губы, сощуренный глаз. Вдруг бросил автомат, прыгнул к кабине, рванул на себя дверь, обрушился с подножки на асфальт, как-то сразу очутился у заднего колеса,

установил пулемет (или что там еще – на ножках). Дал очередь.

И вдруг все стихло. Даже мотор заглох.

Я это все длинно описываю, а так все было быстро – трах, бах...

Быков медленно, словно отдирая себя от асфальта, поднялся, тщательно отряхнул колени. Обернулся. Казалось, Быков сейчас рассмеется или расплачется – так возбужденно дергались его губы.

– Быков, – сказала я в ошеломлении, – ты чего это тут... развоевался?

– Так стреляли же, – неохотно отвечивал Быков, – а у меня рефлекс.

– Какой рефлекс?

– Условный.

Пощурился куда-то вдаль. Сказал медленно:

– Дали бы по бензобаку... кажется, они такие же вояки, как и мы. Хреновые.

– Кто – они?

– Я знаю? – окрысился Быков.

– А чего стрелял? Может, они это... так просто?

– Просто? – вскинул Быков крылатейшую бровь. Взял меня за локоть, подтащил к кабине. Там – ничком, лицом в руль – лежал человек в военной форме.

– Смотри. Это дяди так просто. Шутят.

И полез к шоферу в карман.

– Зачем? – спросила я.

Быков только оскалился. Сунул, не глядя, в карман куртки твердую книжечку, крикнул:

– Димка, что там?

– Пусто, – Димка спрыгнул из кузова. – Ящики одни. Теперь на машине поедем?

– Куда?

– Ну... по городу.

– Ага. Езжайте, Димитрий. Флаг вам в руки. И барабан на шею.

– Нет, а че... – начал было Димка и заткнулся. Он увидел шофера.

– А с... ним что будем делать? – спросила я.

– Похороним, – огрызнулся Быков. Подумал серьезно. Встал на подножку, легко, как куклу, подвинул на сиденье тело, попытался закрыть дверь, Она не закрывалась – мешали ноги шофера. Быков взмок. И тут еще начал икать Димка.

– Ладно, – сказал Быков зло. Подобрал с асфальта этот... пулемет,

сунул Димке автомат и пошел вдоль улицы. Я оглянулась. Машина стояла покосившейся зеленой коробкой – как сломанная детьми игрушка. За лобовым стеклом шофера не было видно.

Не то чтобы было жутко. Не то чтобы было жалко. Непонятно было. Странно.

– Быков, а может, он еще живой?

Быков даже не оглянулся. Свернул в первую же арку, прислонился спиной к обшарпанной стене и стал себя охлопывать.

– Ты чего? – нервно спросила я.

– Сигареты ищу.

С сигаретой в руках он себя и хлопал.

– Вон, – сказала я.

– Ага. Мерси... – Быков зажал зубами белую палочку, прикурил и долго мотал в воздухе спичкой.

– Потухла, – сказала я.

– Что? Ага...

Димка тоже прикурил. Они стояли и задумчиво курили, а я стояла и смотрела на Быкова. Трусил Быков непередаваемо.

– Поднатаскали тебя в десанте, – сказала я.

– Ты что, Серега, в десанте был? А где?

Быков глянул через плечо и сказал неохотно:

– Это было давно и неправда.

– Ты в кого стрелял-то, Быков?

Он сморщился, выдохнул дым некрасиво – как будто кипящий чайник открыли.

– В белый свет, как в копеечку.

– А я думал, ты их всех... – разочарованно протянул Димка.

Быков опять оглянулся:

– Ага. Одним махом семерых побивахом...

– У тебя что, клаустрофобия? – спросила я.

– Что? – переспросил Быков.

– Боязнь открытых пространств.

– Клаустрофобия – боязнь закрытых пространств. Знакомство с психиатрией у тебя явно шапочное.

– А у тебя – личное?

– Любительское.

– Ну и катись со своим любительским...

– Ага? – рассеянно сказал Быков, отрывая от асфальта пулемет

– Ага! – свирепо сказала я. – Пушку поставь!

– А что ты ей будешь делать? – осведомился Быков. – Гвозди

заколачивать?

– Выяснить!

– И что же, разрешите поинтересоваться?

– Почему в нашем родном российском городе на нашей родной российской улице подстреливают наших родных российских шоферов, словно диких селезней!

– Чеканная формулировочка, – пропел Быков. – И трупов вы, значит, не боитесь?

– Нет, – сразу сказал Димка, и стало ясно – еще как!

– 3-забавно, – сказал Быков. – Есть хотите?

– Нет! – сказали мы хором.

– А я – да, – сказал он и стал давиться бутербродом. Давился долго и старательно. Потом отряхнул крошки с куртки, тщательно потянулся и сказал:

– Пошли.

– Куда?

– Туда, – объяснил Быков, взмахом руки решительно указуя на подъезд.

И мы пошли. Сначала скромно, ступая на цыпочки, стучали и звонили. Осторожно заходили в открытые двери, где они были. Потом обнаглели – влетали-вылетали, влетали-вылетали. В одних квартирах был порядок. В других беспорядок. Но во всех одинаково никого не было.

– Вода есть, – бормотал Быков, – свет... так, тоже есть. А они отправились трехсоттысячной группой за город повалиться на травке...

– Она еще не выросла.

– ...на еще не выросшей травке, послушать пение кукушки...

– Кукушки не поют.

– ...не занудничай... и отведать березового сока. Может, мы здесь и проживем? Не ночевать же нам на улице. Тем более, что по ночам в каменных джунглях бродят дикие звери.

Мы стояли и смотрели на аккуратно застеленную белым покрывалом двуспальную кровать. Было тихо.

– Нет, – сказал Быков. – Пожалуй, нам здесь тоже будет грустно.

И потопал к дверям. Это спившийся идиот как-то умудрялся все понимать. Спать в одной из этих квартир – все равно что ночевать в одной комнате с мертвецом. Кто пробовал?

Быков сунулся в последнюю на площадке дверь, замедленно повернулся и аккуратно притворил ее за собой.

– Пошли, – сказал бодро, – в гостиницу. Выберем номер-люкс...

– А там занято.

– А мы скажем “ах, простите” и поищем пустой...

И коротко размахнувшись, ударил прикладом шедшего впереди Димку. Тот охнул и поехал вниз по лестнице. Я отлетела к стене, отфутболенная плечом Быкова. Было тихо. Голова Быкова и дуло пулемета смотрели вверх. Гляделся Быков очень эффектно.

Он коротко вздохнул и опустил пулемет.

– Показалось...

Димка поднялся со ступенек, подержался с искривленным ртом за бок. Шепотом ругаясь, поковылял вниз.

– Креститься надо, – порекомендовала я, потирая онемевшее плечо. – Чуть не прибил.

– Буду, – послушно отвечал Быков, идя за мной по лестнице. Надо же... Может, ему валерьянки какой? А то он нас в один день покалечит, со своими рефлексами–психозами...

Сверху, стуча по перилам, полетели камешки. Какие... камешки? Откуда? Я задрала голову. Видный просвет пролетов был пуст.

– Иди-иди! – быстро сказал Быков, оттаскивая меня за шиворот от перил.

– Там, правда, никого не было, Быков?

– Правда-правда, – и он пробкой вытолкнул меня из подъезда. А сам задержался – я обернулась – он пусто и сосредоточенно смотрел перед собой. Слушал. Вздохнул и осторожно, как стеклянную, закрыл за собой подъездную дверь.

А потом мы наткнулись на дедка. Был он на выходных в Заречном, возвратился в город напрямик через бор – прогулялся (ну ни фига себе прогулочки – десять кэмэ!). Ходил-бродил, никого не видел, выстрелов не слышал.

Я скучала. С самого начал было ясно – от деда толку не добьешься. Хотя попервости мы обрадовались ему, как родному.

– Ваша версия? – деловито спрашивал Быков.

– Эвакуация, – по-солдатски кратко отвечал старикашка.

– Причины?

– Авария. Вы ведь знаете, эти заводы...

– Вы здесь с самого утра. Последствия аварии ощущаете?

– Нет, но... может быть, она только угрожает произойти?

– Ага, – сказал Быков, почесывая нос. – Это вы к тому, что не пора ли нам пора? Разумно. Только кто стрелял? Не пожелавшие

эвакуироваться, что ли?

Учитель вздохнул.

– Да, этого я тоже не понимаю. Но если принимаются меры к ликвидации аварии, то людей следует искать в Заводском районе, не так ли?

– Поищем. Что тебе, Димитрий?

– Давайте сначала ко мне. Если мамка уехала, она записку оставит.

– А давайте, разделимся, – предложила я, – вы в Заводской, а мы к Димке. Экономия времени и людских ресурсов.

– С такой экономией ресурсы быстро исчерпаются, – мрачно сказал Быков. – Все идем в Заводской.

И пошли мы в Заводской.

Лавировавший то из дворов на улицу, то обратно – хотя толку-то, по-моему, от такого вихляния! – Быков, наконец, прочно вывел нас на проспект и шел впереди, твердо ставя длинные элегантные ноги. Вот черт – где только не шлялся, и хоть бы где пылинка или морщинка! Но я же... я с опаской посмотрела на жеваные-пережеванные ветеранские мои штаны. Н-да-с, видок у нас аля-улю. Роскошный видок. А, щегольнем на том свете! И серьезно задумалась – а в чем же ходят на том свете? Ну, рай более-менее понятно – туника там белая и прочее. А ад? Наверняка голяком – неужто черти поджаривают в одежде? Обнажайте свои телеса, граждане-грешники! Хотя мне и обнажать, считай, нечего...

Быков впереди остановился, наклонился. Присел на корточки, что-то разглядывая. Подойдя, мы устались тоже. Асфальт вспучился широкой неровной полосой поперек всего проспекта – словно снизу что-то долго и упорно напирало. Будто кто-то большой хотел выйти, но не вышел, раздумал, только сопки от своих усилий оставил: вон, впереди целое море!

– Тектонические складки! – авторитетно объяснил недавно учивший географию Димка.

Быков разогнулся, осторожно подставил ногу на “складку”, подавил, пружиня. Держит. И скакнул, не оглядываясь, на другую “сопку”. Он-то скакнул. А вот дедулька пыхтит, на асфальтовые сдвиги взбираясь. Тяжко, ему, сердешному. Вверх-вниз, вверх-вниз... Чем мы не горные козы?

– За козла ответишь! – пообещал Быков, не оборачиваясь. Это у нас бывает. То ли думаем одинаково, то ли мысли иногда друг у

друга читаем... Вверх-вниз... Бам-с! Ая-я-яй! Села на выступ, закатала штанину.

– Больно?

– Чтоб тебя, Динго! – Быков. – Смотреть под ноги надо!

– Скакать поменьше надо! – огрызнулась я. – Распрыгался!

Платок хоть дайте!

– Свой надо иметь.

– Да иди ты...

– А вот у меня, – суетился дед, – бинтик есть... и зеленочка...

И еще целый склад в оттопыренных карманах. Аптеку грабанул, что ли? З-забавно, как говорит Быков. Я встала, подрыгала перевязанной ногой. И увидела в расщелине асфальта блекло-синий цветок. Цветы тут, елки-палки, растут... Черте че, а не город. Пнула его рассеянно и похромала за мужиками.

И мы уже дошли до перекрестка, когда произошло это...

В спину словно кто-то толкнул теплой громадной пятерней, и мы обернулись разом. Дом, мимо которого мы только что прошли, бесшумно обрушивался вниз. Нет, не обрушивался, а съезжал, как съезжает песок со слишком высоко построенной песчаной горки... Ну, понятно? Просто мягко и совершенно бесшумно осыпался на проспект, словно был построен не из плит, а из пыли.

Быков тянул меня за шиворот, а я все не могла отвернуться, все смотрела. И Димка глядел – у него висли губы. И дедуля хлопал себя по ляжкам и бормотал что-то очень невнятное. И Быков жал меня к себе, гладил по спине и говорил, как лошади:

– Ну... ну...

И только тогда я поняла, что меня изрядно потряхивает. Вернее, не потряхивает, а прямо-таки колотит.

– Ну... – говорил Быков, хлопая меня по загривку. В чувство приводил. Самого бы кто привел – морда-то серая...

Это маленькое происшествие придало нам скорости. Больше мы не останавливались – неслись плотной стайкой посреди проспекта, и город все глубже заглатывал нас серой громадной пастью...

Часа через три проспект врезался в широкое, скучающее пустотой шоссе. За ним на многие километры тянутся наши жутко хозяйственно важные комбинаты: в городе людей чуть меньше миллиона, а заводов хватило бы на несколько. И стояли они сейчас как на ладошке, потому что высокой бетонной оградой не было – валялась она на земле, только кое-где торчали крепезные столбы. На

боку лежала будка проходной, сразу за ней свалкой – искореженные плиты и фермы... А еще дальше – невредимые корпуса основных цехов.

– Странная какая-то авария, – сказал Быков, оглядывая все это хозяйство. – Репетиция какая-то, а не авария. Что здесь было-то?

– Что же мы стоим? – учитель, как спохватившийся хозяин, всплеснул руками и первый засеменял через шоссе. Откуда-то несся ровный гул...

Этого фрукта мы увидели сразу.

– Ну вот же! – умилился дед. И явно захотел заорать в том смысле, что мол, здравствуйте, товарищ дорогой, вот и мы, вами долго жданные... Да Быков его малость пресек – рядом с “товарищем” валялась двустволочка. Мирная такая, смиренная. Я так поняла, традиция у нас в городе появилась – выходить из дома только с огнестрельным.

– Вот что, – изрек Быков, малость поразмыслив, – подождете, пока я вам махну. Встаньте-ка вон там, да... Динго! Оружие не трогать. Я сейчас.

Человек по-прежнему копошился к нам спиной. Быков припустил к нему так бодро и уверенно, что я диву далась – как на свиданку с братом родным. Я отпихнула Димку и двинулась вслед за Быковым по дуге – чтобы ни тот, ни другой меня не застукал. Мужик напрягся, откинулся назад, тягая какой-то стержень. Стержень не шевельнулся. Мужик опустил руки, рассеянно отряхивая куртку, повернул голову – я аж присела...

И ничего не произошло.

– Привет, – сказал Быков, подходя.

– Привет, – равнодушно сказал мужик, – где остальные?

– Там, – сказал Быков честно, – сейчас придут.

– Ну-ка, подмогни... шатни его, шатни... – они хором поднажали и отскочили – груда железа поехала вниз.

– Уф! – сказал мужик, отдуваясь и глядя на Быкова с уважением.

– Здоров ты, парень!

– Что здесь было?

– Склад. Если пригонят кран...

– Не опасно?

– Ты, главное, вглубь не суйся, здесь-то все нормально, да гляди, чтобы солдатня не... Это кто?

Это были Димка с дедом.

– Извините, – издали пискнул дед, – я полагаю, все в порядке?

– В полном, – сказал Быков хмуро.

Мужик искоса взглянул на него и сделал нерешительный шаг к ружью. Но там уже сидела я. Понятно, с автоматом.

– Во! – сказал он и оглянулся на Быкова. – Вы откуда, ребята? Веселые такие...

– А вы? – спросил Быков.

– Чего не эвакуировались, говорю?

– А вы? – спросила я.

– Так я... что я... проснулся утром – пусто, смотрю. Сначала думал – рехнулся. А потом думаю – ничего. Надо ловить момент. И ребята попались.

– Какие ребята?

– Хорошие, – сказал мужик твердо, – деловые. Так что идите своей дорогой. Ей-богу, а?

– Воруем? – ласково спросил Быков.

– Я предупреждал, – сипло сказал мужик, глядя мимо нас.

Я оглянулась. Из-за завала вышли двое.

Один из них был Яснев. Яснев-младший.

Он, наконец, зашевелился.

– Здравствуй.

Я наклонила голову, осматривая его с ног до головы.

– Здравствуй, – крепче сказал он.

– Здравствуй, – у меня над головой сказал Быков.

– А... и тут.

– И ты здесь.

– Слышь, – сказал плененный, – слышь, я думал, он от тебя.

– Дим, – сказал Быков, – подбери-ка ружо, не дай Бог стрельнет.

Яснев из-под бровей обвел лица учителя и Димки ползущим взглядом.

– Диана, – сказал в воздух, – у меня к вам есть одно предложение...

Мне было больно на него смотреть – как от яркого солнца резало глаза. Быков взял меня за плечо.

– Ты погоди, – сказала я, не оглядываясь, – ты послушай.

– Так вот, – методично продолжал Яснев, – вы сейчас отдаете нам оружие...

Я уже перестала слышать. Глаза резало все сильнее – я подняла руки вместе с автоматом, чтобы вытереть слезы – и нажала на курок.

Это была длинная-длинная очередь...

Сверху обрушился огромный кулак Быкова, отбивая вместе с пальцами неожиданно оживший автомат.

Автомат захлебнулся и грохнулся на землю.

И пули пропахали землю у ног моего брата.

Неизвестно, кто из нас испугался больше. Я села на землю, уцепившись за твердую ногу Быкова, и снизу смотрела на застывшие лица. Все молчали. Минуты две точно молчали. Потом Быков вздохнул, поднял автомат – как берут дубинку – в обе руки. И сказал веско:

– Идите-ка вы... не оглядываясь.

И они пошли.

Мы становились мощным боевым соединением.

До гостиницы мы все-таки добрались – ближе к вечеру. Быков долго бродил по красной дорожке коридора, что-то там измерял, просчитывал, обдумывал, потом сказал решительно:

– Здесь. Угол – прикрытие. Справа и слева два выхода

– И входа, – вяло сказала я. Быков, не обратив внимания на мою ценную реплику, возле кровати в порядке разложил оружие, и мы устроились. В одной комнате. На двух кроватях. Правда, сначала Быков долго умащивался на полу, кряхтел, вздыхал, потом пришел ко мне, сказал хмуро:

– Подвинься.

И едва не вдавив меня в стенку, улегся на застонавшую кровать.

Обычно тяжело переносу человеческое прикосновение. Я даже в очереди из-за этого стоять не могу. Особенно, когда сзади стоят расплывшиеся грудастые животастые бабехи и притискивают к тебе свои потные мягкие горячие тела... Бр-р-р!

Но сейчас ощущать рядом твердое теплое тело Быкова было приятно. Надежно.

День третий

– Вставай, боевая подруга!

С трудом разодрала глаза. Сумрак. За окном белый туман, такой плотный, что совсем не видно окрестностей. Гостиница повисла в безвременье и безпространстве.

Быков сидел на кровати и смотрел в туман опухшими глазами.

– А где эти? – спросила я, оглянувшись.

– Не знаю, – сказал Быков спокойно. – Проснулся – их нет. Ни записки, ничего.

– Ага, – сказала я, – ясно. Димка деда сблатовал себе на хату. Вот теперь сиди и жди, раз вчера не пошел. А я пойду мыться.

Яркость вчерашних впечатлений я заспала. Вертелась под душем и размышляла – а дальше-то что?

Толкнула дверь. Не поддалась. Быков, зараза... Еще долбанулась. Тишина. Постояла и пихнула еще. На этот раз дверь открылась. Черте че ожидая увидеть, я высунула голову. У противоположной стены в обнимку с автоматом сидел Быков. Глаза у него были круглые.

– Ты что двери подпираешь!

– Динго, – тоскливо сказал Быков, – я вдруг подумал – откроется дверь – а там никого...

Я молча покрутила пальцем у виска.

– Ну-ну, – сказал Быков неопределенно и пошел в ванную.

Я протопала по комнате. И вдруг почуяла – что-то не так. Хотя убей меня – не так. Повернулась – все нормально. Только двустволку, оказывается, эти субчики с собой захватили. На охоту пошли. А фантазия-то моя, фантазия... Прыгнула я на кровать, ноги подобрала, огляделась – все в порядке. Никто ниоткуда не лезет, челюстями не шелкает, рожи не кажет. Только... тихо очень. И тишина такая... гулкая. Словно кто-то кашляет вот-вот и скажет: “Здравствуйте вам!”. Вот, чего мне, дуре, не хватает – не слышно шума городского. Фу-у-у... а я-то...

В это время стих и последний звук – шум воды в ванной. Я посидела. Быков не выходил. Я слезла с кровати, напевая, обошла вокруг пулемета, глянула в окно. Стало жутче. М-да...

– Быков, – позвала я.

Тишина.

Я подумала. Еще раз обогнула пулемет. Пошла и стукнула в дверь.

– Але!

Ни звука.

– Эй!

Молчок. Я задергала дверь – уже в панике:

– Быков!

Дверь открылась. Стоял Быков, как картинка, живой, милый, сволочной и сосредоточенно вытирал голову казенным полотенцем.

– Чего орем? – спросил злорадно.

Ждали мы часа четыре. Время тянулось, как резина. Я бродила по углам, на десятки раз оглядела блеклые обои, раз двадцать запнулась

за пулемет, раз тридцать обругала его и Быкова.

Потом затормозила и сказала:

– Слушай, а может, их и не было?

– Что?

– Может, говорю, их вообще не было? Может, они нам показались?

У Быкова все сильнее округлялись глаза.

– Да ты... ты что... сама рехнулась и меня с ума свести хочешь? Собирайся!

– Куда это?

– Обратно!

– А ху-ху не хо-хо?

– Не хо-хо! К-куда!

Во были гонки! Скакал за мной Быков, как слон, по всем этим мерзким запутанным лестницам, орал всякие непотребные слова, но догнать меня не догнал. Выпрыгнула я в туман – как в пуховую перину – ничего не видно, ничего не слышно и дышать тяжело. Обыкновенный химический туман. Дышать тут надо по-особому: глубоко гадость, именуемую воздухом, не заглывать, шевелить одними бронхами – глядишь, и доживешь лет до сорока без рака легких...

День четвертый

...Ну вот. Слиняли эти придурки куда-то. Поторчала я в парке, травку пощипала, высунула нос на театральную площадь. Тихо, пусто, солнце припекает. Пользуемся моментом. Разделась я, одежду расстелила неподалеку от сухого фонтана, плюхнулась. Чем не пляж? И дикий совершенно, потому что кругом – ни души.

Пригрелась и уснула. Под нашим апрельским солнцем не сгоришь – скорее замерзнешь.

А проснулась – чую, что-то не так. Непокойно.

Так и есть. Сидит на бортике фонтана некто стриженный и этот терпеливо меня рассматривает. Вежливо так. Не приближаясь. Не тревожа.

М-да... удрать?

Смотрю из-под локтя. Стриженный пощурился на солнце и зевнул. Это меня сразу почему-то резко успокоило. Стала обдумывать первую фразу. Стриженный сам мне помог – стукнул чем-то там по камню.

– Не бренчите! – раздраженно сказала я. – Господи, спокойно

позагорать не дадут!

Села. Поглядела на свой живот.

– Даже кожа не порозовела... А спина? – вскочила, отвернулась от мэна. – Спина загорела?

(Заодно прикинула расстояние до ближайшей арки – ищи меня, свищи!)

– Нет, – после паузы сказали сзади. – Не загорела.

– А все вы! Ну что вы тут бродите?

Стриженный искоса глянул на меня и стал смотреть на горизонты. Я догадалась, начала натягивать шмотки. Стеснительные, вишь ли, мужики развелись...

– Что вы тут делаете?

– Загораю, – сказала я, не приближаясь.

– И все?

– Думаю. Мысли всякие приходят, знаете...

– Как вы здесь оказались?

– Всегда росла.

– Одна?

– Нет. Сейчас вдвоем. Я и вы. Вы и я.

Мэн оказался жутко терпеливым.

– А кроме вас здесь еще есть люди?

– Вообще-то есть.

– А в частности?

– Нет.

– Вы меня боитесь?

– А вы меня?

– Вы можете ответить хоть на один вопрос?

– А зачем?

Я успела между делом одеться, расчесать волосы и прикинуть еще три варианта убегая. Но не убежала. Мэн был мне не понятен. Вроде не придурок, не мафия, и не бродяга, как мы с Быковым. Четвертая порода в городе объявилась.

Кинула я пробный вопрос:

– На комбинате были?

– Нет. А зачем?

– Это местная достопримечательность. Все посещают.

– Да что вы... вот не знал, – пробормотал он. Встал. Невысокий, одного роста со мной, но здорово пропорциональный, крепкий и плечистый. Роба скуластая, квадратный подбородок, глаза узкие, желтые. Совсем бы супермен, да ямочки на щеках мешают. Хотя он

совсем и не улыбается. Спокойный, как удав.

– Вы здоровы? – сказал, подходя. Я отчего-то даже не шуганулась.

– А вы?

– Вполне. Познакомьте меня с вашими...

– Придурками?

– Да, – после паузы сказал он. – Где я вас видел?

– В кошмарном сне, – сказала я. – Оружие есть?

– А что? – спросил мэн.

– Перенимаете мою методику, – засмеялась я. – Сдавайте!

Он подумал, в упор рассматривая меня широко расставленными глазами. Расстегнул куртку, залез куда-то себе под мышку. Достал, вынул “магазин” и протянул мне пистолет на крепкой ладони.

Он оказался тяжелым. Я повертела его, заглянула в дуло.

– Идем?

– Ну, идем...

Мы пересекли площадь, обогнули здание заводского клуба, через парк по узкой асфальтовой дорожке пришли к “гостиничному” домику. Придурков еще не было. Привела я его к себе – сел бочком на кровать – оглядывается и помалкивает. Стала я тишину озвучивать.

– Как вас зовут?

– Шельга, – готовно отозвался он.

– Чего?

– Николай Шельга.

– А чего вы меня так разглядываете?

– Вспоминаю.

– Да ну вас! Опаньки! С рукой что?

Шельга поглядел на свою руку.

– Не знаю.

– Ага! – с удовольствием сказала я. – Веточку где-то обломали?

– Н-не помню... – растерянно сказал Шельга, – а что...

– Руку на стол!

Я смоталась одним духом во врачуvu комнату, предупредила, принимаясь за операцию – больно будет. Шельга только усмехнулся. Ну, держись, коли такой смелый! Тронула ладонь скальпелем – почерневшая съезжившаяся кожа лопнула, хлынула вязкая белая жидкость. Я почувствовала, как напряглось его широкое запястье, подняла глаза – слепо шарит рукой по одежде. Все, думаю, вырубается человек.

– Заканчиваю, терпите! – говорю. А он башкой стриженной мотает и мне под нос какой-то листок сует. Во, думаю, привет! Личность моя. В карандаше на весь тетрадный лист.

– Быков? – спрашиваю я. – Это вам Быков дал?

Аж про руку забыла. А Шельга доволен – улыбается во все тридцать два (или сколько их там?) зуба.

– Я же говорил!

Быков, оказывает, Шельгу порешил в плен взять. Прыгнул на него из подъезда, а Шельга его... Николай помялся и закончил мягко – сбросил. Я так поняла, что сбросил с треском. А мой фэйс Быков набросал, чтобы Шельга вспомнил – может, видел где на контрольных пунктах – их, тут, оказывается, целое стадо вокруг города...

А наутро Быков, вроде Димки с дедом, вышел на улицу и не вернулся. У всех здесь правило такое – не возвращаться.

– Объявится, – сказала я, хотя сердце заныло. Оказывается, у меня тоже есть этот крайне необходимый всему человечеству орган...

– Да, – без особой уверенности согласился Шельга. – Вы его давно знаете?

– Слышите? Придурки вернулись. Пойдемте.

Собрались фрукты-ягоды. Втроем. Таращатся на Шельгу. А тот им вежливо так головешкой кивает. И какую-то шибко важную ксиву кажет. Главный этот документ проинспектировал – чуть ли не на свет – и с уважением поглядел на Шельгу.

– Вы хотите выяснить причины происходящего?

– Да.

– Мы представляем отделение организации “Чистота”. Не знаем, была ли авария на комбинате случайной, или кто-то поспособствовал этому. Этим пусть занимаются соответствующие органы, – поклон в сторону Шельги. – Но данные, накопленные за последние годы, позволяют предположить, что в силу вступает новый закон природы. Мы называем его законом самосохранения.

– Как? – участливо спросил Шельга.

– Закон самосохранения, – железно продолжал главный. – Рано или поздно это должно было случиться. Мы сами выпустили джина из бутылки и сами должны с ним совладать. Но бороться с природой с вашей, – снова поклон, – помощью, простите, больша-ая глупость.

– И как же этот закон себя проявляет?

– Ну, хотя бы в том, что в городе невозможно уничтожить ни

одного растения без наказания виновного. Сами мы не раз проделывали такой опыт. И вот результат, – он кивнул на свою забинтованную руку. Шельга задумчиво посмотрел на свою. – Очевидно, равновесие колеблется на такой тонкой грани, что гибель хотя бы одного растения чревато окончательной катастрофой... Впрочем, вот у нас приготовлена записка...

– И каковы ваши предложения? – спросил Шельга, пролистывая увесистую “записку” – толстенную папку отпечатанных листов.

– Не запускать комбинат в работу. Хотя бы до того времени, когда не будет отлажена экологически чистая производственная цепь. С этой точки зрения авария на комбинате – на благо всему городу. Слава Богу, если природа на этот раз победит: мы, наконец, научимся уважать и ценить ее, сотрудничать, если хотите.

– Это ваша точка зрения?

– Это точка зрения всех присутствующих.

Шельга мельком посмотрел на меня.

– Значит, вы отказываетесь покинуть этот район?

– Категорически.

– Я должен вас предупредить, что ситуация действительно критическая. Может быть повторный взрыв и, как следствие, – выбросы в атмосферу и реку. Кроме того, вы можете стать заложниками... очень решительно настроенной организации.

Трое переглянулись. Помолчали.

– Мы отказываемся, – повторил главный.

– Герои от науки, – сказала я. – Жертвы пламени познания.

Второй придурок – врач – протиснулся к столу, сложил на брюхе здоровые лапы и воинственно сказал:

– Мы тут в НИИ позаимствовали аппаратуру! У нас будут неприятности?

– Нет, – сказал Шельга серьезно, – не будут. Если вы все вернете в целости и сохранности.

– А оградить нас от... м-м-м... хулиганствующих элементов вы, значит, не в состоянии?

– Нет, – терпеливо сказал Шельга, – не в состоянии. А вы что, уже сталкивались?

– Нет. А вот девушка...

Шельга вновь озабоченно оглядел меня. Церемонно распрощался с придурками. Сказал:

– Дина, можно вас...

Я пошла за ним. Шельга присел на скамейку, расстелил на

коленях карту-схему города. Обвел кружком парк и написал: 4.

– Это вы нас записали?

– Вас.

Он постукал карандашом по плотным белым зубам, уставясь мне куда-то в живот.

– Дина, а как вы относитесь к тому, что они говорили?

– Прикольная идея!

Шельга повел налитым плечом. Встал.

– Вы куда теперь?

– По городу.

– На хвост вам упасть можно?

– Что?

– Ну, с вами пойти.

– Нет, – сказал он, сворачивая карту. – Ждите здесь. Самое позднее послезавтра вас увезут в пригород.

– Еще чего! Я Быкова искать пойду!

– Вот с этим? – спросил Шельга, коснувшись автомата. – Без удостоверения нельзя. Хранение огнестрельного оружия запрещено законом.

– Да что вы! – фыркнула я. – А я вот храню! Ну, берете меня или нет? А то я одна пойду!

– В таком случае беру, – вздохнул Шельга. – Только отдайте мне автомат.

И пошли мы. Славно так пошли. Молчком. С приглядкой друг к другу. Этак мы кварталов пять отмерили, прежде чем я надумала осведомиться, куда мы путь держим.

– На комбинат, – удивился Шельга, – вы же сами сказали...

Пришли мы на эти заводы – правда, уже в другом месте. Шельга перед проходной придержал меня за плечо, сунул в руку что-то вроде шахтерского “лепестка”. Напялила я этот намордник, потопала за ним, а Шельга уже возле одной интересной штуки чуть не приплясывает: огромный такой шар потихоньку раскатывался над развалинами какого-то корпуса. Буро-ржавый, плотно сбитый в одну исполинскую форму.

– Н-да... – сказала я.

Шар потихоньку вытягивался в длину и становился похожим на гигантскую воздушную колбасу. И замер. Мы подождали еще несколько минут – никаких изменений.

– Что это, Шельга?

– Газ какой-то, – пробормотал Шельга, двигаясь бочком в обход

воздушной колбасы.

– А чего он... так? – спросила я, показывая руками. – Не распространяется в пространстве?

– Не хочет, – лаконично ответил Шельга. Не был, видать, Шельга ассом в химии.

Полазил он, значит, там еще – я уже за ним не пошла, поскольку заводской пейзаж действовал мне на нервы. Смотрю – идет. Постоял рядом, как возле печального памятника, потом, видно, вспомнил, что я еще жива и сказал:

– Пошли.

И рванули мы резко куда-то за город.

Шли по Сосновке – есть такие лесопосадки за городом. Шельга шагал впереди. Я смотрела в его широкую спину и потихоньку закипала: идет битых два часа и хоть бы раз оглянулся – все ли я здесь или уже сгибла в этих зарослях!

Ох! Ткнулась в него носом – спина у него чугунная, что ли? Шельга, полуобернувшись, поднял руку.

– Слышите?

Я повертела головой – тихо.

– Кто-то едет на лошади, – объяснил Шельга. И стал меня обстоятельно рассматривать. Он все делал обстоятельно.

– Дина, вы не могли бы идти быстрее?

– Не могла бы! – огрызнулась я. – Не нравится, идите один.

– Один я никуда не пойду. Сейчас вы попросите для себя лошадь.

– Тормознуть, что ли, как тачку?

– Примерно. Можете пригрозить оружием. Понимаете?

Я понимала. Я смотрела на него и не могла понять только одного – издевается он надо мной или нет? Оказывается, не издевался. Исчез в кустах, рукой махнув – выходи, мол!

И я вышла на дорогу. И нелепо сказала:

– Руки вверх!

Конечно, он рук не поднял. Сидел, не шевелясь, на лошади и смотрел на меня – пожилой мужик в сером пиджаке и кепке. Лошадь тоже косилась на меня странным взглядом. Молчание длилось так долго, что мне уже стало казаться, что это я на прицеле и это я так долго думаю – сдать эту дикой девке или огреть ее по заду, да поехать дальше?

– Стрелять буду! – с надеждой сообщила я. Он не шевельнулся. И я с отчаяньем обернулась – ну не стрелять же мне в него, в самом

деле! Чертов экспериментатор Шельга наконец объявился – пришел откуда-то из-за спины мужика по тропинке, словно шел за ним следом. Разведывал, нет ли кого еще, что ли?

Сказал тихо:

– Подвезите девушку, пожалуйста. Она очень устала.

И мужик сразу слез, ворча в том смысле, что, мол, так бы сразу и сказали, а то руки вверх, руки вверх... Даже сесть мне помог. На лошади я очутилась впервые в жизни и теперь тряслась, как мешок с говном. Рядом, держась рукой за седло, скоро шагал Шельга. А впереди почти трусцой двигался мужик.

С километр прошли и проехали молча. Потом мужик, не оборачиваясь, сказал:

– Там впереди пост, ребята.

– А как вас пропустили?

– Лошадка вот у меня убежала, искать пошел. Что ей, твари, зона не зона... А правда, что вы там, в городе, все зараженные?

– Правда-правда, дядя, – успокоила я, – больные, нервные, зараженные, вооруженные. Чуть что – стреляем без предупреждения.

– Дина шутит, – тихо сказал Шельга. – Мы вполне здоровы.

– Вот и я смотрю – шутливая у вас подружка... Вон пост.

Шельга молча протянул мне руку – помог слезть с лошади. Сказал мужику:

– Идите.

– А вы? – спросил тот, счастливо засуетившись. – Вы что же, не пойдете?

– Пойдем. Но сначала вы предупредите.

– Он их предупредит! – сказала я, глядя на чесавшего от нас мужика с лошадьё. – Он им такого наговорит! Слушайте, а когда мы обратно?

– Не знаю, – сказал Шельга.

А я знала. Он жмурился и отворачивал от меня свою твердую морду. Этот, с позволения сказать, херой мечтал меня сплавить. Со всеми моими нравами и потрохами. Ну-ну, сказала я. Попытайтесь. Я теперь на вас, Шельга, села и ножки свесила.

Мужик уже всюю на посту руками размахивает. Пост... Ну что там. Будка. Военный грузовик-броневик. И четыре рожи, на нас тарачившиеся.

– Идемте, Дина.

Шельга делает шаг вперед и... И я не сразу понимаю, что линия пыльных фонтанчиков у его ног – очередь. Я даже не испугалась. Я

смотрела в это время на Шельгу и видела, как он оторопел.

– Оружие на землю! – заорал громкоговоритель. – Оружие – на землю!

Не люблю я, когда на меня орут.

– Женщина! Оружие на землю!

– Дина...

Да подавитесь вы! Бросила я им автомат. Тем более, что нет там больше патронов. А эти орут-надрываются:

– Отойти на пять метров! На пять метров отойти!

Спасибо, рук не заставили поднять. Ну попятнулись мы с Шельгой... На пять, не на пять... Тот, я вижу, уже взбодрился: нравится, видать, когда все параграфы устава или чего там у них еще выполняются.

А потом эти субчики вот что проделали: залезли в свою бронированную и на нас потихоньку двинулись. Едут, значит, и вещают:

– В целях предотвращения распространения инфекции вы сейчас пройдете дезинфекцию!

Стихами кроют.

– Мы просим вас соблюдать полное спокойствие, не препятствовать осмотру наших специалистов...

Во! Да они нас, и, правда, за какую-то заразу принимают! Ну идиоты! И тут меня стукнуло – это кто идиот-то? Я же ведь первая идиотка и есть! Это, значит, меня сейчас сгребут, дезинфицируют, обследуют, может, куда запрет... А Быков? А воля-свобода? На фиг-на фиг такой график!

И я с лету ринулась в леса. Ох, мама, подарила ты мне субтильное сложение и быстрые ноги! И благодарна я буду тебе за то по гроб жизни, потому что словить меня в ту пробежку никто не смог.

Хотя, может, никто и не пытался.

В общем, удрала. Удрала, вылезла из этого дереуна-лесочка, села на обочине и призадумалась. Удрать-то я удрала. А дальше что? Ой, врешь, не дальше что, а дальше – с кем? Избаловалась, в одиночку уже ходули не ходят. А бедолагу Шельгу они явно сцапали... Во психи, а?

И тут меня скрутило.

Перво-наперво стало не хватать воздуха – словно на грудь кто-то давил, не давая подыматься. Я испугалась. Я всю жизнь была здорова, как бельгийская телка, а сейчас валялась на обочине, зажимала дико трепыхавшееся сердце и уговаривала:

– Ну, чего ты, а? Ну, хватит, а?..

В таком виде меня обрел возвращавшийся Шельга. Этот действовал безо всяких уговоров – сунул мне чего-то в пасть, положил под голову сумку, да еще оттянув ворот свитера, ляпнул на грудь что-то влажно-теплое...

И я быстренько пришла в норму. И обнаружила, что здоровье мое по-прежнему непоколебимо, Шельга по-прежнему со мной и жизнь по-прежнему прекрасна. Гаркнула:

– Приветствую помешанно-зараженных сограждан!

Шельга заметно вздрогнул.

– Отлегло?

– Ну. Возьмите от меня... это мокрое. Что вы мне приклеили?

– Платок из термоса намочил.

Я оттянула прилипший свитер.

– А как вы удрали?

– Я не удрал, – поправил Шельга, – я ушел.

– И вас отпустили?

– Сначала – нет, а потом...

Он замолчал, рассеяно подкидывая платок.

– Ясно, – сказала я, – военная тайна. Да бросьте вы платок! Что вам новенького сказали?

Шельга уставился на платок, точно видел его впервые.

– Новое... – сказал медленно, – да, интересное новое...

И сунул мокрый платок в карман.

Шельга двигался по своим только ему известным делам, ну и я, естественно, с ним.

Пришли мы на Центральную. Ну да, на ту, по которой раньше демонстрации шествовали. Где Ленин показывал в одну сторону, а народ шагал в другую.

Пошли через площадь, а меня как застопорило. Стою и смотрю на нее, как баран на новые ворота. Оглянувшись, Шельга тоже притормозил.

– Что случилось, Дина?

– Давайте в обход.

– Зачем? Здесь ближе.

– Ну и пусть ближе! Пойдем в обход, правда!

Шельга повертел стриженной башкой, словно принохиваясь.

– Шельга, не ходите!

Шельга пошел. Он пересек дорогу. Я, словно меня кто-то

отпустил, побежала за ним.

И, едва ступив на первую плиту, почувствовала, что идти становится труднее – ноги наливались тяжестью, словно я шла по непролазной грязи или глубокому снегу. Ступни тянуло вниз, просто приковывало к серым плитам.

– Шельга! – позвала я тихо

Он оглянулся. Роба напряженная, глаза – как щели.

И вдруг – треск! Это разламывались, вставали стоймя под ногами плиты. Шельга молча балансировал на одной из них. Я прыгнула вперед – плиты мягко, зыбко, как болото, заходили под ногами.

– Дина, быстро!

Мне защемило носок кроссовки. Шельга схватил и так дернул меня за руку, что едва не выдернул ее из плеча.

Мы выпрыгнули на полосу неподвижного асфальта и, пятясь, смотрели, как площадь ходит ходуном. Со стороны это выглядело интересней.

– Что вы почувствовали? – спросил Шельга, не отрывая глаз от сошедшей с ума площади. – Почему сказали идти в обход?

– Да так... сама не знаю.

– А вы не находите, что для природы это как-то все... нецелесообразно? То дома рушатся, то...

– Так закон же новый! Природа сама не знает, что с ним делать. А может, это вовсе не природа! Может, это город. Я где-то читала, что города на какой-то стадии развития становятся разумными...

– Фантастика? Не люблю. И, кроме того, зачем разумному самого себя разрушать?

– Люди тоже вроде разумные – а пьют, колотся, жрут че не попадя, мечтают о чем попало!..

– Я не пью и не курю. Не колжусь. И твердо стою на своих ногах, – сказал Шельга.

– Ну, вы! – сказала я, махнув рукой. – Вы, вообще, какой-то правильный. Ангел прямо!

– Я не ангел, – тихо возразил он, – и я это знаю.

– Вы вообще, как я посмотрю, все знаете. Скучно, да?

– Знание не может быть скучным, – ровно возразил Шельга. – И, кроме того, я не могу знать все. Я не знаю, например, что творится в этом городе. Но я хочу это узнать. А вы, Дина, вроде бы и не хотите. Не думаете об этом, правда?

Я засунула руки в карманы. Оглядела чистенького, подтянутого Шельгу – от ботинок до светлой головы.

– Не хочу, – кивнула. – Нет, вернее, хочу, но не так, как вы. Мне и так здесь нравится. Он – как я. А вы... вы, наверное, с ума сойдете, если не поймете. Вам все надо по полочкам.

– Это плохо? – спросил Шельга спокойно.

– Просто все по полочкам не получится. Я вот, например, не войду. Ясно?

– Я для вас заведу целый шкаф, – засмеялся Шельга, разом смахивая с меня раздражение. Смех у него был славный.

А потом мы встретили веселого человека. Странника. Шел он нам навстречу по улице, а параллельным ему курсом двигалась здоровенная красивущая псина. Сближались потихонечку, приглядываясь. Странник нам шибко не возрадовался, но уклониться от встречи не пытался. Был он лохмат, бос и бледен.

– Добрый день, – сказал Шельга.

– Я Странник, – быстро, словно упреждая наши вопросы или действия, сказал тот.

– Простите?.. – вежливо переспросил Шельга.

– Ну странник он, – объяснила я. – Странник и все тут. Пес чей?

Пес был здоровый, породы неизвестной и глядел на нас, присев в сторонке. Я подошла – он подобрал длинный язык и искательно ткнулся мокрым носом в мою руку.

– Он сам по себе, – равнодушно сказал Странник.

Я похлопала по густой пыльной шкуре.

– Жарко, да?

Пес улыбнулся. Шельга меж тем вел светскую беседу.

– И куда вы путь держите?

– По городу, – охотно сообщил Странник, – каждый раз что-нибудь новенькое. То люди, то...

Шельга уже шелестел картой.

– Где вы видели людей?

– Нет, – дружелюбно сказал Странник, – я в эти дела не вмешиваюсь. У меня такой принцип.

– Мы ничего им не сделаем.

Странник широко улыбнулся и помотал головой.

– Нет-нет, я же сказал...

Я уткнулась подбородком в твердый затылок пса. У Шельги были очень узкие глаза.

– Я прошу вас, – тихо сказал он. – Где вы видели людей?

Странник пожал плечами и стал подтягивать лямки своего

задрипанного рюкзака.

– Я еще раз спрашиваю вас... – монотонно говорил Шельга. Странник косо поглядел не него. Потом на меня – что, мол, он у вас не дослышит?

Я подняла длинное ухо пса и шепнула ему:

– А лучше б сказал. А то он расстроится. А профессия у него нервная.

– Да-а... – протянул Странник, нерешительно косясь на меня.

Шельга молча смотрел на его босые ноги.

– Ну да, ну да, – быстро сказал Странник, – но их там мало было... У завода да еще у райисполкома...

Шельга молча протянул ему карандаш. Странник тиснул карту к стене дома и стал что-то там вычерчивать, одновременно приговаривая:

– Вроде без оружия... Чем занимаются? Не знаю, не доложились, гражданин начальник. Задевать не задевают, но к себе не приглашают. За главного у них парень был. Рослый такой, видный...

Я надела палец на нос пса.

– Какой он?

– Парень?

– Ну не ты же!

– Волосы темные, глаза темные...

– Дина, вы думаете...

– А одет как?

– Обыкновенно. Джинсы, свитер серо-белый, куртка камуфляжная...

– А почему – был?

– Дина...

– Нет, ну БЫЛ-то почему?

Странник озадаченно посмотрел на Шельгу.

– Так его же убили...

Я подумала. Дернула пса за мягкое горячее ухо, поднялась, повернулась – пойти куда-то...

И оказалась почему-то на скамейке. Рядом испуганно мотался Странник. Надо мной – желтые растерянные глаза Шельги.

– Ты понимаешь, – сказала я им, этим глазам, – ты понимаешь, какое дело...

– Дина, – тихо шевельнулись его губы. – Дина, это ошибка, это не он.

День пятый

Он не сразу понял. Даже когда увидел стоящую у окна женщину. Даже когда она обернулась, и он увидел очень знакомое лицо. Это была не его Динго. Та налетела бы с воплями, с визгами, так что обернулись бы все прохожие, повисла б на шее, болтая ногами. Эта... эта шла навстречу, не снимая с тощего плеча автомат, и медленно улыбалась, словно тоже не могла его узнать. Остановилась, закинув голову.

– Ну здравствуй, Быков...

Он увидел ее тонкую шею, волосы, собранные на затылке, усталые плывущие глаза, исцарапанные руки со сбитыми ногтями и, преодолевая невесть откуда взявшуюся робость, шагнул навстречу:

– Привет, Динго...

Обнял здоровой рукой узкую теплую спину, приподнял, чувствуя под пальцами тугую маленькую грудь. Хотел поцеловаться, но со стесненным дыханием тронул губами жесткие пыльные волосы и одеревенело опустил на пол.

“Фу ты, черт!” – подумал неловко, пытаясь непослушными пальцами достать из пачки сигарету. Глянул исподлобья. Динка смотрела ему за спину.

– Вот это Быков!

– Знаю, – отозвался Шельга с чем-то таким в голосе, что он немедленно обернулся. И увидел напряженно сощурившиеся глаза. “Фу ты, черт!..”

А теперь каюсь – я все это выдумала. Просто Быков мне обрадовался. А у Шельги просто было с утра плохое настроение. Вот и все.

Мы устроились в маленькой комнатухе одной из квартир. Окна для светомаскировки занавесили одеялом, хотя зажгли-то всего один фонарик.

– Болит? – хмуро спросила я.

Быков осторожно подвигал рукой.

– Есть немного.

– Так они ушли? – продолжал расспросы Шельга.

– Ну. Как нас на Театральной обстреляли, так я их больше не видел. А я вот эту красавицу остался искать. Она же тогда удрала, адреса не оставила.

– Можете вы мне объяснить – что вы все сюда лезете? Ну,

мародеры – понятно. “Зеленые” тоже... Ну вы-то?

– Я? – Быков поглядел на меня. – Я бы, наверное, сюда не сунулся... если бы не это сокровище. Она кого угодно с толку собьет.

– Чуть что – сразу Косой... – проворчала я.

– Что ты обо всем этом думаешь, Николай?

– Не знаю, – тихо сказал Шельга, – пока не знаю. Но авария на заводе...

– Где? – легко сказал Быков. – Где она, родимая? Кто ее ликвидирует? Почему тут дома... резвятся? Почему не работают приемники и телевизоры? И вообще, может мы все здесь немного того?

– Не знаю, – сказал Шельга, – в порядке ли у нас психика, но Комитет все-таки существует. И опасность серьезной аварии тоже существует. А мы не можем послать сюда ремонтников, потому что они поставили ультиматум и не слышат наших предупреждений. Они знать ничего не хотят. Взрыв на комбинате – это репетиция. На десерт они приготовили основные цеха...

– Десант.

– Думали, – отмахнулся Шельга, – но если у взрывного устройства фанат... Вся котловина будет отравлена в течение считанных часов. Что можно успеть сделать? Там эвакуируют Кировский и Куйбышевский. Сотни тысяч человек...

– Что требуют?

– В принципе невозможного. В том-то все и дело. Мы можем только тянуть время.

– А ты?

– Что?

– Ты здесь зачем?

– Частично – для переговоров.

– И как же ты с ними будешь договариваться?

– Они знают, как меня найти.

– Они возьмут тебя в заложники.

– У них в заложниках вся котловина.

– Это неважно. Главное для подонков – сознание всесильности. Хотя бы в отношении одного человека. Суметь поставить его на колени.

– Меня никто не поставит на колени.

– Есть много способов поставить человека на колени, – возразил Быков.

Мне этот спор надоел. Вот когда будут ставить, тогда и посмотрим. Открыла Грина. Люблю, да! Могу дочитать до конца, перевернуть и начать сначала. И мир становится тихим. И ты в сотый раз ждешь чуда, которое никогда не происходит...

Я прислонилась головой к стене. Тихий разговор мужиков, на кухне капает вода, тихо греет воздух над моей головой фонарик. А где-то до галлюцинации ясные, существуют алые паруса, доброе море, Грэй и Ассоль с детскими глазами. И белые чайки режут сильными крыльями синее высокое небо...

Я открыла глаза. Мужики молча смотрели на меня. А я терпеть не могу, когда меня разглядывают. Тем более, что с правой стороны мой профиль еще хуже, чем с левой.

– Чего вы? – хмуро спросила я.

Шельга встал.

– Ну, я пошел.

– Куда? – удивились мы с Быковым.

– Спать.

– Так вот же...

– Спокойной ночи.

Шельга растворился в темноте коридора.

Быков уставился на меня в затруднении.

– Дина... ты давно на себя в зеркало смотрела?

– Чего это? – агрессивно спросила я.

Быков открыл дверцу шкафа, молча поманил меня. Я нехотя подплелась. Быков неожиданно взял меня двумя руками за голову и придвинул к темному зеркалу. Я неохотно посмотрела. Изображение ответило мне таким же неприязненным взглядом. Мы друг другу активно не нравились. Я подняла глаза на уткнувшегося в мой затылок Быкова.

– Ну?

– В тебе что-то изменилось...

– Форма носа? – съехидничала я.

Быков явно растерялся.

– Носа? Может быть...

– Ты что, совсем?

Быков повел плечом и отпустил меня. Задрал угол “светомаскировки”.

– Вот это да!

Я подлетела и ахнула. Город горел.

Пылали белым огнем блоки домов и поребрики тротуаров,

светились желтым паутина проводов и трещины в асфальте. Гигантскими голубыми свечами горели столбы и деревья. И над этим городом-привидением плыла зеленая луна, то и дело ныряя в стремительно несущиеся чернильные тучи.

День шестой

Наутро мы разделились. Почти поровну. Потому что мы с Быковым и Псом стоили столько же, сколько один Шельга. Правда, мужики все утро пытались засадить меня под замок, но мы с Псом прорвались.

Забрели мы в частный сектор – тот, что посередине города. Чахлые заборчики, облезлые дома, черные одно-двухэтажные бараки...

Быков шлепал на стены рукописные объявления, совал нос во всякие закоулки, напевал и бормотал – в общем, вел активный образ жизни.

А Пес вдруг взвыл. Он остановился у ничем не примечательного домишки, наклонил низко лобастую голову и выл. Но не похоронно, а словно звал кого, подумала – меня – подошла, нет, только глаз скосил, грустный и требовательный глаз.

– Чего он? – нетерпеливо спросил Быков, выскакивая из проулка.

– Чего ты? – спросила я у Пса. Он понюхал каменный фундамент и взвыл с новой силой.

– Глянем? – предложил Быков.

– А вдруг там... как та бабка?

Его аж перекосило. Вчера рассказывал, как забрел в квартиру, а там на диване – полуразложившийся труп старухи. Забыли...

Быков полновесно шлепнул Пса по твердому заду – тот поджался, сел, и, задрав голову, посмотрел на Быкова.

– Хватит! – сурово сказал Быков. – Пошли смотреть.

Я еще не успела удивиться, что дверь заперта изнутри, как Быков с привычной легкостью ее взломал. Вот и еще специальность – с голоду не помрет. Дом-то... Веранда, сенки, да маленькая комнатуха. И ни души.

– Ну и что ты вопил? – спросила я у Пса. Тот ткнулся носом в пол и сдержанно рывкнул.

– погоди-ка... – сказал Быков. И я увидела содранные с пола половики и квадрат крышки подпола. Быков осторожно потянул – крышка подалась.

– Есть кто-нибудь? – крикнул вниз. Молчок. Быков помедлил,

нащупывая ступени, спустился вниз, что-то там свалил, ругнулся.

– Динго, шелкни выключателем, тут лампочка... Ага!

Пес топтался по краю, заглядывая вниз и поскуливая.

– Что там?

– Ничего особен... Дин... иди сюда...

Смотрю – сидит на корточках над... ну, словом, будто погреб в погребе. Так вот, сидит Быков и по крышке постукивает. Негромко так. Вежливо.

– Ты чего?

– Там вроде голоса...

Я опустила на колени, прижалась ухом к холодной железной крышке. Тихо. Побарабанила, да еще Быков своим кулаком мощно вдарил. Тихо. Нет... вроде шорох. Или это Быков шевельнулся?

Подождали. Посидели. Быков пожал плечами и встал. И в это время крышка стала медленно подниматься. Быков попятился, отодвигая меня себе за спину – я немедленно сунулась ему под мышку, уставившись в щель между крышкой и досками настила. Кто-то на нас оттуда тарасился. Ну и мы, естественно, тарасимся. Крышка пошла выше – появилась голова мужика. А лицо-то... как если бы я увидела перед собой свою умершую бабушку. Челюсть до пупа, глаза – полушками, красные, рожа небритая, серо-белая...

– Привет, – молвил, наконец, Быков. – Ты чего там... сидишь?

Мужик откашлялся, просипел:

– Здравствуйте...

И все.

И мы молчим, мнемся. И он молчит, смотрит. А потом вдруг – более-менее твердо:

– Ребята, вы простите, некуда, нас трое...

Я глаза вытаращила – мы что, к нему в гости набиваемся?

– Да мы и не стремимся, – пробурчал Быков.

А мужик совсем духом пал, аж жаль берет.

– Вот продуктов могу дать... банку консервов. Говядина.

– Да мы сами сколько угодно дадим! – сказала я.

А он все свое талдычит, жену с ребенком приплел, че к чему, че почему?

– Эй! – не выдержала я. – Да нужен нам ваш погреб!

Он сгорбился, вниз смотрит.

– Простите... у меня приемник там, кручу-кручу – молчит. Думаем – все. А тут голоса. Жена... она в обмороке... Как же вы уцелели?

– Уцелели, – эхом отзывается Быков. Он как будто что-то понимает.

– А как...– колеблясь, спрашивает человек, – там... что-нибудь осталось?

– Осталось, – говорит Быков, походит и садится на корточки. Мужик отшатывается, впивается руками в крышку. Быков говорит спокойно и мирно:

– Все цело. Только небольшие повреждения на заводе. Зачем вы залезли в погреб?

– Я строил, – говорит мужик, – я давно его строил. По книжке. “Гражданская оборона”. Там все написано. И воду провел, и продукты... Соседи смеялись... досмеялись... А кто-нибудь живой остался? Рядом – хоть кто-нибудь?

– Всех эвакуировали, – сказала я, – а вы чего тут?

– Я думал – не успеем... Как закричали – война, мол, эвакуация, я – жену и Вовку – и вниз. Я ж готов был всегда... Знал, что добром не кончится. Слушайте, но если... может, можно уже выходить? Я счет дням потерял. Может, спала уже радиация?

Быков повернулся и посмотрел на меня – поняла ли я? Я поняла – и мне даже плохо стало.

– Не было...– сказала я. – Не было никакой радиации... не было. И войны не было.

Человек глядел так, словно я помешалась.

– Как? – спросил он.

– Быков, ну скажи!

Быков молчал. И смотрел на мужика. А тот смотрел на него. У него было совершенно пустое лицо. Облизнул черные губы.

– Не было? – переспросил тихо.

Быков кивнул.

– Не было... кричали – война... страшно так... как не было? Вы же сказали – эвакуация. Как не было?! Нельзя так, ребята... мы тут сидим, последние, может... потом голоса... Нине плохо... вы говорите – не было?

– Слушайте, – отдельно сказал Быков и бегающие глаза человека устремились к нему, – слушайте меня. Войны не было. Была авария на комбинате. Эвакуация. Скоро все вернутся. Не было войны, понимаете? Кто-то пошутил...

Человек дернулся – со странным всхрипом:

– Боже мой... пошутили... и вы здоровые, и не было... А мы... мы сидим и потихоньку сходим с ума... Нина! Они говорят – не

было, Нина!

Он крикнул и перешел на невнятный шепот-бормотание, уткнувшись лбом в край люка. Он стучался головой в скобу и все шептал, шептал что-то... У него тряслись плечи.

Быков похлопал его по руке:

– Вылезайте, берите свою Нину...

Человек медленно поднял голову – все лицо у него тряслось – и вдруг закаменело.

– А чем вы докажете?

– Что? – не понял Быков.

– Что войны не было.

Быков медленно поднялся, покачался на онемевших ногах. Сказал затрудненно:

– Н-ну... дорогой товарищ... вылезайте и посмотрите сами. А мы уйдем.

И мы ушли.

– Не скоро очухаются, – заметила я.

– Ужасно, – сказал Быков.

И это было действительно ужасно, потому что Быков таких слов сроду-роду не употреблял.

Город жил. В нем каждый день, каждый час что-то менялось. Мы возвращались по той же улице – но она была другой. Здесь несколько часов назад стояла кафе-стекляшка, откуда мы утром сперли зачерствевшие сырки. Сейчас от него остались лишь балки и фермы. Все остальное словно стекло с них, горами громоздилось внутри здания и вокруг. Мы остановились поглядеть. Было тихо.

– Как будто сотня лет прошла...

Я оглянулась. Соседние здания были целы и невредимы.

Ветер был внезапен. Он налетел, собирая в кисти ветки деревьев едва проклюнувшимися листьями, загредел крышами домов, карнизами, застучал полетевшим картоном. Полетел, натужно махая крыльями, запоздало прячущийся голубь. Вслед за ветром пришла туча, и небо стало цвета свежераскатанного асфальта. Пахло холодом. Мы одновременно застегнули куртки.

Молния прорезала все небо, и громыхнуло так, что я аж присела, ухватившись за Быкова.

– Ое-ей!

Хлестанул. Быков рванул под козырек подъезда. Я плясала на улице под такими густыми и толстыми струями дождя, что вокруг

ничего не было видно. Что-то треснуло меня по макушке. Я схватилась за голову и увидела, что об асфальт забарабанили твердые круглые камешки. Град! Меня подхватили и рванули вперед и вверх. Сразу стало сухо – спаситель Быков умыкнул меня под козырек подъезда.

Стена дождя отвесно рычала с трех сторон, рыжие градины стучались, тонули в потоке, подпрыгивали, достигнув асфальта, и неслись мимо, как стремительные ледяные рыбы. Я отжимала волосы, тяжело дыша и не сводя глаз со взбесившейся улицы. Меня колотило.

Быков кинул на меня свою куртку, молча обхватил поперек груди, ткнулся подбородком в мой затылок и тоже стал смотреть на улицу. Град стал мельче и реже, но по асфальту неслись все те же потоки воды – я ногой измерила их – чуть ли не по колено. Слегка посветлело, ушла туча, но небо осталось, каким было до грозы – бледно-белым.

Я вздернула голову – щеку уколола жесткая щетина Быкова.

– Пошли?

Он помедлил – я плечом чувствовала его мерно бьющееся сердце – отпустил меня, спустился со ступенек, из-под козырька выглядывая в небо:

– Пошли.

– Чай греть? – спросил Шельга, когда мы возникли на пороге.

– А как же, – сказала я. – С ромом.

– Рома нет, – огорченно поведал Шельга. Вот и пойми – то ли человек без юмора, то ли он это так издевается...

Я скинула промокшие кроссовки и забралась с ногами под одеяло. Шельга, не торопясь, расставлял стаканы. Быков, сопя, стаскивал мокрую одежду.

– Прошу к столу.

Я перебралась на стул, вцепилась обеими руками в горячий стакан. Блеск! Тепло, светло и мухи не кусают... И поймала быстрый взгляд Шельги. Необычный какой-то. Очень, знаете, мужской...

Опустила глаза. М-да... грудь под мокрой майкой просвечивает, как сквозь тюль. Я свела локти вместе. И услышала гмыканье Быкова. Вот, гад, все замечает.

– Ну как? – спросил Шельга.

Быков доложил.

– Думаете, они сюда придут?
– Этот город как тряпина, – сказала я, – здесь никто не встречается во второй раз.

– Кроме нас, – мягко возразил Шельга.
– Ну, мы-то... одной веревочкой повязаны.

– На всю оставшуюся жизнь.

Быков глянул исподлобья.

– Никогда не говори за всю жизнь, Николай.

– Я не суеверен.

– Зато очень самоуверен.

Шельга аккуратно поставил стакан.

– Я уверен в себе, а это разные вещи.

– Даже уверенность в себе не всегда приносит свои плоды.

– Возможно. Но я попробую.

– Да хватит вам! Пошлите лучше погуляем, дождь кончился.

– Нет уж, – сказал Быков. – Хватит, нагулялся. Переполнился впечатлениями. Вон Шельге нужны оперданные, пусть он и гуляет.

– Во! – сказала я. – И я с ним. Да, Шельга?

Шельга внимательно поглядел на демонстративно улегшегося на кровать Быкова. Кивнул.

– Только переоденьтесь.

Шельга поводил головой, разглядывая трухлявые, словно изъеденные какими-то жуками-камнеедцами вчера еще целые-здоровые дома. По обочинам перли рыжие травы, черные трещины бежали по асфальту – то здесь, то там – и асфальт скрипел под ногами, как песок.

– Во дает, да?

Шельга посмотрел странно:

– Вас это радует?

– Интересно же!

Шельга запнулся. Сказал устало:

– Интересно. Очень. А что со всем этим делать, Дина?

– Не знаю... – пожала я плечами. – Изучать, наверное.

К цехам было не добраться. Цеха словно плавали в красном море – волны песка накатывались на здания, на трубы, на все эти заводские штуковины... Шельга попытался было ступить на одну из волн, но нога его так быстро стала проваливаться, что он решил воспользоваться палкой. Взял какую-то железяку и стал ее втыкать. Прут все погружался, погружался, погружался... Шельга присел на

корточки, внимательно уставившись на то место, где только что скрылся конец штыря. На лице его было такое отчаянье...

– Я сойду с ума, – тихо сказал он.

Мы попытались проникнуть дальше не территорию завода. Не удалось. Один из складов нам устроил веселый камнепад. Вернее, кирпичепад. Мне здорово съездило по плечу, да и Шельга вроде бы дернулся.

Мы последний раз оглянулись.

– Страшно? – спросила я.

– Да, – сказал Шельга просто. – Вы еще совсем юная (спасибо, не сказал – девчонка), и не понимаете, насколько это серьезно. Гораздо серьезнее, чем... те.

– Слушайте, а ведь скоро им, наверное, нечего будет взрывать! Песок все и так сожрет.

Шельга беспомощно улыбнулся и сказал:

– Вы знаете, я что-то устал. Если есть бинт, перевяжите, пожалуйста.

Я посмотрела не его склоненный борцовский затылок – по нему медленной густой струйкой текла кровь. Шельга искоса взглянул на меня и поспешно сказал:

– Ничего страшного, просто кожу содрало.

Я изрядно повозилась, прежде чем соорудила на его голове подобие чепчика. Шельга потрогал на затылке бинт и уткнулся лицом в колени. На пыльной шее засыхала бордовая полоса. Я достала платок, начала осторожно вытирать. Шельга неожиданно повернул голову, взял мою руку – я только таранилась в изумлении – и потянул к себе. Прикоснулся губами к лицу, глазам...

Я, очухавшись, рванулась – его руки тут же разжались.

– Простите, – сказал Шельга медленно. – Я обидел вас?

Ни капельки. Очень даже вежливо. Только это было так неожиданно...

– Пойдемте, а? – сказала я.

– ...Не трогай ее! – Шельга рванулся, но парни перехватили его сильнее, навалились с обеих сторон на плечи, а он все рвался вперед, страшно оскалив от боли напряжения белые зубы, мотал головой и хрипел. – Не трогай!

Рыжий вдруг отпустил меня, наклонился над скорченным Шельгой – тот глядел на него снизу, тяжело дыша – и очень просто, буднично сказал:

– Ладно. Но только ты попроси хорошенько, понял, попроси, и мы ее отпустим. И тебя отпустим. Вставай на колени. Ну, давай!

Парни надавили сильнее, но Шельга, побагровев, уперся прочно расставленными ногами, и Рыжий скомандовал:

– Стой, парни! Он сам. Отпустите его.

Шельга медленно разгибался, качнулся назад, вперед, установился и немигающим взглядом уставился на Рыжего. У того задергалось веко.

– Ну? – тихо сказал он.

И пришла тишина. Все смотрели на Шельгу. А он смотрел поверх наших голов. Потом разжал губы и обронил негромкое:

– Подонки.

– Да? – ласково спросил Рыжий. – Тогда представление начинается. Ну-ка, иди сюда!

Сжав зубы, чтобы не заорать от боли, я пыталась вырваться. Не было уже сил. Сейчас я вцеплюсь зубами в эту гладкую глотку...

И увидела, как Шельга медленно опускается на колени.

Он встал на колени и один из отморожков подошел и ткнул его ботинком в лицо – несильно, словно проверяя, жив ли еще раненный зверь. Голова Шельги мотнулась назад, но он не упал, а только осел на пятки, упорно глядя в асфальт. А я смотрела на него, и мне было глубоко плевать на то, что говорили и как смеялись подонки...

Шельга медленно шел впереди. Широкая его спина была точно сломанная. Я смотрела, как он переставляет ноги и никак не могла заставить себя его догнать.

Он остановился у перекрестка, не оборачиваясь, ждал меня. Я обошла Шельгу, заглянула в ускользающие глаза.

– Идемте, – сказал он хрипло, – только идите рядом...

– Шельга, – сказала я, – Шельга...

– Слушайте, Дина, – неохотно сказал он, – не считайте себя чем-нибудь обязанной. Все можно было сделать совсем не так и...

Я не слушала его. Я гладила его по чисто выбритой щеке – чистюля, аккуратист Шельга. Милый, несчастный Шельга.

– Простите меня, Шельга, родненький! Я дура! Я проклятая, истеричная дура! Простите меня!

И ткнулась лбом, губами в шею Шельги. Он молча, очень бережно подержал меня за плечи, потом отстранился.

– Идемте, Дина.

Я проснулась от собственного крика. Села на кровати, задыхаясь от рыданий. Простыня вымокла от пота, сердце колотится... Откуда-то из темноты пришел Быков, уложил меня обратно, укрыл, и я мгновенно уснула. И снова обнаружила себя сидящей на кровати, вцепившейся в холодные железные прутья. Заскрипели пружины, вздохмаченный заспанный Быков со вздохом сел со мной рядом, обнимая здоровой рукой. За окном светился город. Я опустила глаза. Светилась рука Быкова. Голубым сияли лунки ногтей, белым – все морщинки, линии на твердой ладони...

– Быков?.. – шепотом спросила я.

– Ну видишь, светится... – рассеянно сказал он, глядя в окно.

– Давно?

– Как ранили. Три дня. Ночи.

Я осторожно повернула его тяжелую руку. Провела пальцем по ладони.

– Слушай, тебя можно теперь за деньги показывать! Быков – Светящаяся Рука!

– Спать ложись, юмористка. Все никак не угомонишься.

Быков подоткнул мне одеяло, наклонился и поцеловал в лоб.

– Спи.

– Как покойника, – сказала я, скрывая оторопь. Что-то моих мужиков на нежности потянуло... Сказывается отсутствие других женщин, что ли?

День седьмой

Быков сидел на кровати в одних плавках, вцепившись руками в железную перекладину, и смотрел в пол.

– Попробуй еще раз, – услышала я напряженный голос Шельги. Он стоял рядом, машинально глядя здоровенную садину на скуле. Я перевела глаза на Быкова и привычно удивилась – до чего же он здоровый. Лицо и тело Быкова блестели от пота, вся кровать сбуровлена...

Быков повалился боком на подушку и сказал хрипло:

– Не могу!

– Что – “не могу”? – не поняла я.

– Встать не могу! – заорал Быков.

И стал бить своим громадным кулаком по мускулистым волосатым ногам.

– Не могу, не могу, не могу!

– Быков!

– Сергей!

Быков закинулся головой за подушку – на выгнутой шее ходил кадык. На бедрах, коленях проступали красные пятна от ударов. Шельга завис над ним, перехватывая невнятное:

– Обещали еще тогда... назло... встал... пошел... не обольщайтесь, говорят, все...

– Ну-ка, – Шельга с трудом приподнял Быкова, прислонил к стене, голова Быкова безвольно клонилась на бок, глаза крепко зажмурены, руки, как у первоклассника, смиренно сложены на коленях.

Шельга похлопал его по плечу.

– Подожди, Сергей, но ведь так не бывает – вчера еще нормально, а сегодня...

Я стояла напротив, как дура, свесив руки, и смотрела то на Шельгу, то на Быкова.

– Ты что, совсем ног не чувствуешь? А так? А пальцами пошевелить можешь?

– Быков... - тихо позвала я.

Быков резко мотнул головой. Открыл глаза. Но меня он не видел – смотрел внутрь себя.

Шельга выпрямился. Поглядел на быковские ноги. И сказал – тихо, яростно, убежденно:

– Проклятый город!

– При чем тут город? – сказала я. – У него же ранение было. Видели шрам?

– Ранение? – неприятным голосом повторил Шельга, – а то, что вам тогда плохо было? А то, что у меня ни одна ссадина, ни одна царапина не заживает? А то, что каждую ночь кошмары – я спать боюсь – нервы, скажете? Нет, хватит! Пора убираться отсюда. И эти... тоже уйдут. Они сами боятся. Им уже не до заводов, не до взрывов. Они готовы бежать отсюда, куда глаза глядят.

– Шельга, – вдруг тихо сказал Быков, – а ты думаешь, нас отсюда выпустят?

– То есть? – круто повернулся к нему Шельга.

– Там тоже кое-что знают... и тоже не знают, что со всем этим делать. Я бы на их месте установил жесткое кольцо вокруг города. Жестче, чем при военном положении. И никого бы не пропускал. Создать на границе изолятор для выходцев из зоны. А если это... переползло через реку... мы же ничего не знаем... почище Чернобыля.

– Узнать бы, кто все это... – ожесточенно оборвал Шельга.

Быков посмотрел на него, как на сгруппившего мальчишку.

– Здесь не найдешь врага, Шельга. Это не инопланетяне и не террористы... и, может быть, даже не закон природы. Мы не знаем, что Это. Но уже готовы драться. Если бы ты знал, как я устал драться. Всю жизнь. Во дворе. В школе. За девчонок. За лучший кусок. За интернациональный долг. За то, чтобы вернуться... Я устал.

– Так что, оставить все как есть?

– Не знаю... Может быть.

Шельга с мгновение смотрел в окно на утреннее желтое небо. Потом повернулся, бросив через плечо:

– Поищу машину.

Быков медленно оторвался от стены, повернулся, обхватив руками подушку, лег, упершись лбом в спинку кровати. Я глядела в его неподвижную широкую спину. На белый шрам возле самого позвоночника.

– Всегда готов к бою и обороне, – сказал Быков в подушку, – и хотя ему страшно... а ему очень страшно, Дина... не за себя. За людей. Можно сказать за человечество. Страшно, потому что он здесь ничего не сможет сделать. Обычные схемы здесь не проходят. И нет осязаемого врага. И оружия, которым его можно остановить... Он готов драться.

– А ты?

Быков хмыкнул в подушку.

– У меня иммунитет. Благоприобретенный.

Я дотронулась пальцами до шрама.

– А это зарубка. На память, – сказал Быков. – Не убивай!

Сама неожиданно для себя я наклонилась и дотронулась губами до шрама. Быков вздрогнул. Сказал через паузу:

– Научилась жалеть. И то хлеб. Но только не надо. Меня жалеть еще рано.

Он тяжело повернулся, устраиваясь поудобнее.

– Ты в парк ходила?

– Разок заглянула. И пошла. Жутко. Фигня там какая-то фиолетовая лезет. Вьющаяся.

– Я тут прикинул. Больше всего... аномалий в районе комбината.

– Быков подпер рукою щеку и печально посмотрел на меня.

– Ты сколько раз на комбинате была?

– Раза четыре. А что?

– Твоя ссадина на плече зажила?
– Нет, а...
– А как насчет кошмаров?
– Каких?
– Ночных.
– Нет у меня кошмаров! Мне сны приключенческие снятся, цветные – закачаешься. Просыпаться неохота.
– А вообще здоровье?
– Чего ты привязался?
– Отвечай, Динго. Ты сейчас для меня объект исследования.
– Сам ты... Нормальное у меня здоровье!
Быков рассеянно похлопал себя по голому животу.
– Мы можем только наблюдать. Экспериментировать С собой. З-забавно, да?
– Интересно, – возразила я, – здорово.
Быков посмотрел на меня, вскинув бровь. В глазах его прыгали прежние чертики.
– Экземпляр, – сказал непонятно. – Попадаются же...
Мы смотрели в окно. Почему здесь никогда не бывает голубого неба? Заводы же почти не дымят, а небо желтое... Желтое небо прорезала кошмарных размеров зеленая молния. Полыхнуло голубым. Мы подождали – грома не было.
– Краски-то, краски... – пробормотал Быков. – Ты снимаешь?
– Надо еще фотки скинуть на диски, память переполнена. А у камеры аккумулятор подсел. Заряжается.
– Где ж там твой Шельга?
– Не мой он, не мой!
– Ну не твой так не твой. Злишься, что не твой?
– Щас ка-ак...
– Не трогай инвалида! О, идет!
– Где ты увидел...
– Я почувствовал. Я теперь очень чувствительный, знаешь...
Динго, он, по-моему, не один. Дай, не хватайся!
Он повернулся лицом к двери, взяв наизготовку автомат. Через несколько минут мы услышали в коридоре шаги.
Шельга вошел первым.
– Встречайте гостя!
Мужик в военной форме шагнул через порог, огляделся. Хмыкнул, увидев автомат, лежащий на коленях у Быкова.
– Славно устроились!

Только сейчас спохватившись, что шляюсь в неглиже, я начала натягивать штаны.

Мужик прошелся по комнате, выглянул в окно, круто развернулся:

– Мы пригнали машину. Ищем оставшихся второй день. Развелось вас тут, как собак нерезаных. Лезут и лезут. Сказано – нельзя! Нет – лезут.

– А почему нельзя-то?

– А вы что, уже совсем не соображаете? Я один день в городе и уже такого нагляделся! Вон уже террористы вышли. Большая группа, слушай! Сдались. До завтрашнего дня надо всех вывезти. Закрываем Город.

– Куда такая спешка? – поинтересовался Быков.

– Уже в Лесном дома рушатся. Как пыль! Сам видел.

Ну, этим нас не удивишь...

– А дальше что? – продолжал допрашивать Быков.

Мужик равнодушно пожал плечами:

– Бомбить, говорят, будут.

– Что? – Быков выпрямился резко – задрезжали пружины.

– Ну надо же эту заразу как-то остановить, – сплюнув и растерев ногой, деловито объяснил мужик. – Вы давайте поторапливайтесь. А то хрен знает, как эта штука на нас влияет.

– Плохо влияет, – сказал Шельга, – Сергей, где твоя одежда?

– Подождите, – говорил Быков, – как же так? Ведь даже не попытались понять, что тут к чему – и сразу рвать к чертям собачьим?

– Да тут голову сломаешь, а ни хрена не поймешь. Вон двое ученых вышли. Из “зеленых”. Сами все зеленые. На горбушках всякие пробы вытащили, вот пусть теперь и разбираются. А нам главное – зону подчистить, чтоб никого... А на заводе еще трое осталось. Мол, хоть конец света, а мы держимся своего. Будто кто их теперь боится.

– Ну, не скажи! Если они что-нибудь еще подорвут... а уж если начнут бомбить... Шельга, ты можешь представить, что начнется? Вот и я не могу.

– Может быть, – сказал Шельга, натягивая на быковские ноги штаны. Я ему помогала, и мы пару раз стукнулись лбами, – извините, Дина... ничего и не произойдет. Но ведь надо это как-то остановить.

– Как-то! Но ведь никто же не знает – как. Поспешное решение...

я сам, Динго!.. никогда еще не приносило пользы... тем более, что здесь остаются люди.

– Люди! – буркнул мужик. – Их предупреждали! Листовки с вертолетов разбрасывали, по радио... Обстреляли они вертолеты. Ну и... Мы людей под пули из-за них подставлять не намерены. И под бомбы тоже.

Быков рывком надел свитер. Лицо его заостенело.

– Будут бомбить, даже если здесь останутся люди?

– Неужели из-за этих идиотов всем пропадать?

– Давай-ка, Сергей, – сказал Шельга, наклоняясь и закидывая на плечо быковскую руку. – Помогите.

– А ты что, парень... – растерянно сказал мужик. Не докончил и поспешно подхватил Быкова под другую руку.

Они подняли его – Быков всей тяжестью съезжал на невысокого Шельгу, ноги волочились по полу. Я взяла обе сумки, автомат и побрела вслед за ними.

Как-то все быстро и глупо получалось. Ехать надо, да. Быкова в больницу. А здесь... может, мы сюда больше никогда не попадем... и...

Мы шли по теплой светлой улице. Асфальт стелился под ноги, как ковровая дорожка. Я оглянулась – будто меня окликнули. Верхний левый угол дома дрогнул, поплыл, словно в мареве, поехал – вниз, вниз, вниз... Мягко рухнул. Взметнулась пыль.

– Вот! – восторженно заорал мужик. – Вовремя убрались! Что творит, собака, а?

Шельга с Быковым, неловко завернув шею, смотрели тоже.

– Да, вовремя, – задумчиво сказал Быков.

– А может, он рухнул, потому что мы ушли? – нечаянно сказала я.

Шельга внимательно посмотрел на меня.

В машине сидели несколько солдат в намордниках, бомж и какой-то затюканный пацаненок.

– Еще трое! – радостно сообщил мужик. – Все, сваливаем!

– А вдруг... – начал Быков.

– Сказано – нет никого! – отрезал мужик. – Мы уже весь город обшарили!

Шельга молчал. Я села поодаль – додумывать. Думы не шли. Вернее, шли, но не те. А сзади убежал город. МОЙ город. Город, который мне единственно нужен...

Я посмотрела на Быкова. Он смотрел в пол, и губы его были прямы и жестки, как нож. Думал. Левая рука – широкая, с

заметными белыми шрамами над набухшими венами свисала с колена. Я ничего не вспоминала, ничего уже не пыталась понять, я просто смотрела и уже знала, чем обернется накапливающаяся во мне тишина. Пять минут назад я еще этого не знала.

Я потянулась и тронула горячую быковскую руку. Он поднял отсутствующие глаза, взглянул – и вдруг они стали зоркими, ясными. Он понял.

И на выезде из района машина зарычала, зафырчала. Остановилась.

– Ну что там еще! – главный полез за борт.

– Парни, – сказал Быков, – спустите меня вниз, а? Живот крутит, не могу...

Навалился на плечи солдат.

– Автомат-то оставь, – сказал Шельга.

Быков обернулся, засмеялся.

– Не могу, привык!

Его усадили на крыльце какого-то магазина (“майна, майна”, приговаривал Быков). Шофер и главный матерились над капотом. Выпрыгнувший из машины Шельга, выпрямясь, смотрел вдоль дороги. Я отошла и прислонилась спиной к витрине рядом с Быковым.

Прошло минут десять. Машина заурчала, задрожала. Негромко переговаривающиеся солдаты пошли к нам.

– Ну как, полегчало?

– Да, – сказал Быков. – Не надо, ребята. Я не еду.

– Ты что?

– Что вы там застряли? – закричал от машины главный. – Поднять не можете?

– Да он не хочет!

– Как не хочет?

Шельга повернул голову, стоя по-прежнему прямо – руки за спиной. Смотрел на Быкова.

– Ты чего это тут цирк устраиваешь? – главный размашисто шагал к нам. – Берите его!

Быков резко дернул рукой. Солдат схватился за локоть, отскочил.

– Рехнулся! Сами его берите!

– Убери руки! – сказал Быков очень тихо и очень внятно. – Я остаюсь.

– Да мы же из-за таких идиотов жизнью своей рисковали!..

– А кто вас просил? – сказала я.

Мужик раздраженно махнул рукой, оглянулся.

– Капитан! Иди разбирайся со своей сраной командой! Да поживее!

Шельга шел медленно, заложив руки за спину, как на прогулке. Остановился перед Быковым, глядя в асфальт.

– Сергей!

– Ты уже слышал, – сказал Быков устало. – Я не еду.

– Почему? – бесцветно спросил Шельга.

– Ты знаешь. Не хочу, чтобы Город взлетел на воздух.

– Тебе жалко? – спросил Шельга тоном повыше. – Очень жалко? Тебе нравятся разрушенные дома? Убитые люди? Тебе нравится... – он носком ботинка ткнул быковскую ногу. Быков, прищурясь, смотрел на него снизу. – ЭТО сделало тебя инвалидом. Неизвестно, что станет со всеми, кто побывал здесь. Вообще неизвестно, что будет. Но ты уже защищаешь. Это что? Комплекс вины? Так ведь это – не люди, которых вы убивали там! Это – не люди, понимаешь?

– Я все понимаю, – кивнул Быков. – Люди-не люди – какая разница? Надо уничтожить. Опасно! Мешает! Так, да?

– Да что-о там болтать! – от машины опять неся главный. – Берите его, парни! Вот так! – и осекся, отпрянув.

– Попробуй, – сказал Быков.

– Парень, ты что?..

– Три шага назад, – жестко сказал Быков. – Шельга, три шага назад!

Шельга не сдвинулся с места. Он глядел на дуло автомата.

– Николай, – сказал Быков. – Я прошу. Уезжайте.

– Ты болен, – тихо сказал Шельга, – ты ненормален. Мы увезем тебя. Тебя надо лечить.

– Один ты со мной не справишься, – так же тихо ответил Быков. – А других я могу убить. Я не хочу этого. Не заставляй меня снова стрелять.

– Дина! – повернулся ко мне Шельга. – Да скажите хоть вы ему!

Я молча глядела мимо него на нерешительно переминавшихся солдат. Шельга осекся. Очень медленно повернул голову к Быкову.

– Она тоже остается?

– Ее дело.

– Ее?! – Шельга наклонился к Быкову. – Ее? Из-за тебя она остается здесь. Вот здесь вот! Не хочешь убивать, да? А девчонку из-за своего идиотского... Не убийство?

– Перестаньте, Шельга, – сказала я. – Он здесь не при чем.

Шельга медленно выпрямился. Сказал после паузы:

– Я не говорил. Сегодня те... взорвут заводы. Хотят уйти, громко хлопнув дверью. Так что все равно все это взлетит на воздух и твой демонстративный героизм ни к чему. Совершенно.

– Я тебе не верю, – сказал внимательно наблюдавший за ним Быков.

Шельга молчал.

– Ты это выдумал только сейчас. Я остаюсь... – Быков повернул голову и посмотрел на меня. Во взгляде его была такая вещь, о которой я только читала. Ее называют нежность. – Мы остаемся. Кроме того, если Динго будет здесь, ты сделаешь все возможное. И невозможное, чтобы Город не бомбили.

– Ты подонок, – сказал Шельга, глядя в асфальт.

– Наверное, – согласился Быков, – но я бы стал большим подонком, если б уехал.

– Дина! – позвал Шельга. Я настороженно отступила.

Шельга круто повернулся. Почти подбежал к машине, кинул себя в кузов.

– Поехали!

– Что ж вы, ребята... – растерянно сказал главный.

Уехали.

Скользя пальцами по стеклу, я пошла от неподвижного Быкова. Споткнулась о крыльцо, села на него с размаху и разревелась в голос. Я выла над собой, над Быковым, над Шельгой, над корчащей меня картиной его унижения – Шельга на коленях – над всеми мертвыми и всеми, кто еще умрет, и снова над собой и над тем, что за все в этой жизни приходится платить и платить большую цену...

Машину, которую Быков заприметил, я подгоняла по его указаниям чуть не целый час. Подогнала к парапету. Быков деловито положил автомат на асфальт, попробовал подтянуть на руках тело, поглядел на меня и сказал:

– Отвернись.

Я отвернулась. Смотрела вдоль улицы и слушала за спиной шелест, шорох, затрудненное дыхание.

– Можно! – крикнул он.

Сидел на переднем сиденье – красный, мокрый и злой.

– Начинается экспресс-обучение! – объявил деловито. – Даю тебе час. Правил дорожного движения можешь не соблюдать. Штрафовать некому. Гляди сюда...

Я гоняла машину туда-сюда, заворачивала, разворачивалась, тормозила... Вот, наконец, и села за руль автомобиля. Хоть и чужого. Хотя сейчас все здесь было наше. Мое и Быкова. Я посмотрела на вышеупомянутого Быкова. Был он смурен и озабочен.

– Давай потихонечку вдоль улицы. Зря он, все-таки, не увез тебя с собой. Т-тихо ты, дурыло!..

Это я так резко тормознула.

– Зра-асьте! Это еще почему?

Быков глядел в лобовое стекло. Я только сейчас заметила, как у него ввалились щеки, заросшие “модной” темной щетиной, в волосах, как мучная пыль – седина. Всего семь дней...

– Шельга ничего не сможет сделать. Если уж там решили задавить эту... зону, то... – он коротко вздохнул, – задавят. И нас вместе с ней.

– И что – по газам и до дому? Будя, Быков, а? Я все равно не испугаюсь. Куда едем?

Быков смотрел мне в глаза – так настойчиво, что я даже смутилась.

– Зеркало, – сказал он, – посмотри в зеркало.

Я посмотрела. Узкая полоса отражала кусок моего лица – и глаза. Обычно зеленоватые кошачьи мои глаза стали темными, густо-карими. Я немо взглянула на Быкова.

– Подарки, – сказал он. – Город раздает подарки. Каждому свое.

Мы не спеша колесили по городу. Обнаружили, что он, оказывается, красив. Красивы старые серые дома с башнями и часами на башнях. Красивы арки и соты современных многоэтажек. Красивы подпиленные стволы черных карагачей, ошестинившиеся молодыми упругими ветвями. Красивы старые гигантские тополя, цепляющиеся верхушками за серое небо. Красиво само это небо. Красивы стволы проспекта и ступени театра...

А потом мы остановились. Мы стояли посреди главного проспекта и ожидание наваливалось на нас тяжелым серым брюхом. Курили. Сгущались сумерки, и Город, казалось, прижимался к нам, подползал, как испуганный щенок. Я двинулась к Быкову. Он обнял меня, и было тихо, и было до странности, до ужаса спокойно, словно мы уже знали, что будет, и были готовы к этому.

Быков вскинул голову к потолку. Глаза его сощурились.

– Вот! – сказал он, кивнув вверх почти весело. Я прислушалась. Шел гул. Еле различимый сначала, он приближался, наваливался ощутимо на плечи, давил на уши.

– Идут, – удовлетворенно сказал Быков, – вот они, милые. К заводам идут.

Почему я не испугалась? Почему, выйдя из машины, я смотрела в небо, не увозила себя и Быкова – дальше, дальше, дальше от этого пригибающего к земле гула?

И вот пошел первый удар. Далеко-далеко впереди полыхнуло неожиданно ярко, и стало багровым небо, и заметались, затанцевали черные гигантские тени. И Быков бил кулаком по щитку и кричал что-то, яростно и весело скаля зубы.

Может быть, это были не самолеты. Может, это действительно хлопнули дверью те трое на заводе. Но грохот не смолкал, он растекался по Городу, и Город дрожал и рушился.

И я вдруг шагнула навстречу этому грохоту. Фотоаппарат. Диски. Кассеты. Камера. Они остались там, возле нашего рухнувшего дома. И взрывы полосой шли к ним.

И я побежала.

И сквозь грохот слышала крик Быкова.

Но я бежала. Мы с Быковым никогда не будем прежними. Никто побывавший здесь не будет прежним. Но есть тысячи, миллионы, миллиарды, которые здесь не были. Которые ничего этого не видели. И которые должны все это увидеть. Даже если уничтожат Город.

Я знала, что никто меня не остановит. Что не догнал бы меня даже мой Быков – будь он на ногах. Потому что я неслась легко и дерзко, и почти беззвучно – почти летела, как в моем сне. И длинные черные тени, как крылья, неслись за моей спиной...

Может быть, я успею.

День восьмой?..

Рекламно-издательский сектор ЦБС им. Н.В.Гоголя
Тираж 50 экз.